

18+

Воровка

С. МАССЕРИ

Freedom. Стерлинг Фолс

С. Массери

Воровка

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Массери С.

Воровка / С. Массери — «Эксмо», 2021 — (Freedom. Стерлинг Фолс)

ISBN 978-5-04-193601-3

В ту ночь мне не стоило появляться на Олимпе. И я определенно не должна была стать свидетельницей убийства или, того хуже, попасться хулиганам. Аид, Аполлон и Арес управляют таинственным бойцовским клубом, где все участники носят маски. Юноши обладают большей властью в этом городе, чем я могла бы мечтать. Они разрушают мою жизнь одним указом: Кору Синклер теперь не существует. Стерлинг Фолс был моим шансом начать все сначала, но однажды ночью все пошло под откос. Я лишилась стипендии и работы. Можно было вернуться домой, но отказаться от мечты – это уже слишком. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Поэтому я отправляюсь к влиятельному человеку в надежде, что он поможет. Но взамен мне придется украсть маску Аида. Если я это сделаю, пути назад уже не будет. Мной движет не столько страх перед угрозами, сколько желание отомстить. В конце концов, кто может стать лучшей воровкой, чем девушка, которую они пытались убрать из города?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-193601-3

© Массери С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

С. Массери

Воровка

S. Massery

Sterling falls Book 1 Thief

Copyright © 2021 S. Massery

© Корнейчук Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог Кора

– Ты опоздала.

Темнота озаряется вспышкой падающих угольков от щелчком выброшенной сигареты. На секунду эта вспышка притягивает мой взгляд, а затем я снова смотрю на мужчину в гротескной маске кабана. Он стоит, прислонившись к одной из огромных мраморных колонн, составляющих фасад здания. Я никогда не видела подобной архитектуры раньше. По крайней мере, вблизи. Такое ощущение, что это здание перенеслось сюда прямоком из Древней Греции. Так странно, что у двенадцатифутовой¹ двери, перед которой я стою, нет ручки, и, насколько я могу разглядеть в темноте, на ней вырезаны замысловатые узоры, которые переплетаются друг с другом.

– Послушай, я знаю, что...

– Мне не нужны твои оправдания. Тебе придется вернуться в следующий раз и быть более пунктуальной.

Я заламываю руки и хмуро смотрю на него.

– Я опоздала всего на пять минут...

– Пять минут – это целая жизнь. Ты знаешь, что может сделать обычный человек за пять минут?

Потушив сигарету ногой, мужчина выпрямляется и неторопливо выходит прямо под луч лунного света. Теперь сквозь отверстия в маске я вижу, как его глаза будто сверлят меня.

– Ты хочешь победить систему? Хочешь прокрасться внутрь?

Это похоже на испытание или ловушку. Я пытаюсь выдержать его взгляд, хотя предпочла бы этого не делать. По моей коже бегут мурашки, когда я внезапно понимаю, что мы здесь совершенно одни: я и этот незнакомец. Может случиться все что угодно.

– Нет.

Он вздергивает подбородок.

– Что ж, ладно.

Что ж, ладно...

¹ Более 3,5 м.

Мужчина усмехается и, повернувшись, уходит, исчезая за углом здания. Я же спускаюсь по мраморным ступеням к траве и тихо вздыхаю. Кажется, все мои грандиозные планы увидеть «Олимп» пошли прахом.

До меня доходили слухи об этом месте. Хотя это были не совсем *слухи* – скорее, сплетни, которые распускали девушки, живущие по соседству со мной. Когда я осторожно расспросила их, они упомянули лишь этот адрес, маски и то, как все одеваются, готовясь принять участие в здешних мероприятиях. Так как я больше ничего не узнала от них, у меня возникло ощущение, что все остальное должно оставаться тайной.

Как итог – я стою одна, в окружении припаркованных машин, в плохо сидящем на мне черном платье и неудобной золотой маске, пока люди внутри здания получают удовольствие от... что бы там ни происходило. Я вздыхаю и достаю свой телефон из клатча, размер которого позволяет вместить в него удостоверение личности, телефон и немного наличных, их мне должно было хватить для того, чтобы добраться до «Олимпа», а затем оплатить такси до дома. Только вот есть проблемка – в моем телефоне нет приложения службы такси.

Как я могла это упустить?

Снова посмотрев на «Олимп», я вижу склон слева от него. Заинтересовавшись тем, что может находиться за ним, я направляюсь туда, поглядывая на свой телефон через каждые несколько шагов. Мой единственный вариант попасть домой – это вернуться к главной дороге и надеяться, что кто-нибудь остановится. А так как любой выбранный мной путь слишком непредсказуем, я поправляю маску, снимаю туфли и, решив сойти с подъездной дорожки, ступаю на траву. Почувствовав прохладу травы босыми ногами, я заворачиваю за угол «Олимпа» и поднимаюсь на небольшой холм. На этом холме кажется, что луна светит намного ярче. Огромная и желтая, она висит слишком низко в беззвездном небе и придает всему вокруг жутковатый вид. Что-то слева привлекает мое внимание, и я замечаю шесть человек, образующих маленький круг. Они стоят в стороне, и люди, входящие в «Олимп» или покидающие его, никак не могут их увидеть. Я делаю шаг вперед, собираясь окликнуть их, как вдруг один из мужчин бросается на другого. Никто не кричит – никто даже ничего не говорит. Кажется, они совсем не удивлены внезапной стычкой, но мужчина, на которого напали, наклоняется вперед, хватаясь за живот, а затем падает. Какое-то время остальные просто смотрят на него сверху вниз, а потом один из них пинает упавшего, переворачивая на спину, и я вижу, как что-то торчит у него из живота.

Это нож?

Я прикрываю рот, чтобы сдержать крик, в ужасе от того, что парня только что ударили ножом, а пятеро других кажутся абсолютно невозмутимыми. Ужас наполняет меня еще больше, когда один из них наклоняется и хватается парня за руки, а другой подходит и вытаскивает нож. На металле поблескивает влага, отражая лунный свет. Мой желудок скручивается узлом, и я борюсь с подступающей к горлу желчью, пока раненого оттаскивают в сторону. Остальные смотрят, как эти двое исчезают из виду за углом «Олимпа».

Теперь их стало четверо.

Мне срочно нужно сообщить об этом в полицию или хоть кому-нибудь. Я понимаю, что, скорее всего, выделяюсь на этом холме, как маяк, но все равно подкрадываюсь ближе, пригибаясь к земле. Я думаю о том, как полиция сможет поймать их, если я не смогу сообщить никаких правдивых подробностей. Поэтому, держась поближе к траве и упираясь одной рукой в землю, чтобы не упасть, я останавливаюсь всего в двадцати футах от четверки. Этого расстояния достаточно, чтобы разглядеть их лучше. Трое стоящих носят маски, будто они только что вышли из «Олимпа», а четвертый – кажется, постарше, более высокий и худощавый, с аккуратной бородкой – пришел без нее, но, похоже, его это несколько не беспокоит.

– Ты уверен в этом, Аид? – человек без маски качает головой. – Он был в моем кругу.

Тут я замечаю, что у двоих из них маски в виде черепов с рогами, но они заметно отличаются друг от друга.

Даже в лунном свете я могу разглядеть золотые полосы на обнаженной груди первого мужчины, а его маска – это череп оленя или какого-то другого животного с длинной носовой костью. Второй мужчина похож на самого дьявола. Его маска представляет собой бледный череп, похожий на человеческий, только без нижней челюсти, а из его висков торчат черные рога.

Мужчина с маской из человеческого черепа хмыкает.

Это Аид?

– Мы не ошибаемся.

– Конечно, – другой мужчина достает что-то из кармана и бросает третьему, в красной куртке.

Поймав пачку наличных, парень перебирает их большим пальцем и кивает.

– Приятно иметь с вами дело, – говорит человек без маски.

– Аполлон! – раздается голос у них за спиной, и я замечаю теплый свет, льющийся будто изнутри «Олимпа». – Они готовы.

Мужчина в маске животного поворачивается к дверному проему, расположенному в темной нише сбоку от мраморной стены, и машет новоприбывшему. Дверь, которую я не заметила ранее, со щелчком закрывается. Затем мужчина оборачивается, и его взгляд находит меня.

Вот черт!

– Да у нас тут зрители, – сообщает он двум другим.

Я выпрямляюсь, не обращая внимания на холод, пробегающий по моему позвоночнику, потому что... да, я облажалась. С таким же успехом я могла просто подойти к ним ближе и заглянуть каждому в глаза, верно? Я научилась терпеть подобные наказания, хотя знала, что мужчины ненавидят, когда ты продолжаешь смотреть на них даже после того, как они попытались тебя унижить. Я узнала это на собственном горьком опыте. Аид неторопливо приближается ко мне, сокращая расстояние длинными шагами. Глаза под его маской затенены, а полные губы поджаты, выдавая недовольство. Когда я смотрю на него, в моем животе будто извиваются змеи.

– Простите...

Мое дыхание замирает, когда он останавливается прямо передо мной. Расстегнутая рубашка демонстрирует идеальный пресс. Я смотрю на его ботинки, а затем снова на лицо. Даже в ужасной маске он великолепен и, совершенно очевидно, смертельно опасен. Уголки губ Аида приподнимаются в ухмылке, будто он знает, какой эффект производит на женщин, однако за всем этим скрывается что-то жестокое. А вскоре к нам присоединяются двое других: человек в красной маске и Аполлон. Видимо, это имя ему дано в честь греческого бога солнца и света. Однако я не уверена, что оно ему подходит, потому что у него явно есть и темная сторона. И последний мужчина... в красном. По его груди стекает кровь, хотя я уверена в том, что она нарисована. Я не знаю, кто он такой, но его образ пропитан насилием. Я чувствую это своим нутром. А затем я снова смотрю на Аида – короля подземного мира.

Я пришла в это место, чтобы попасть в «Олимп», а теперь я стою перед богами, которые правят им.

Меня снедает любопытство.

Вдруг Аид поднимает руку, будто хочет коснуться моей щеки, но вместо этого он сжимает пальцами край моей маски и срывает ее. Атласные ленты легко рвутся, и золото спадает с моего лица. Я автоматически закрываю его руками. Мои щеки пылают, во мне борются смущение и страх.

Он роняет маску на землю и сминая ее ногой, а затем наклоняется вперед:

– Ты знаешь, кто мы такие?

– Догадываюсь, – отвечаю я, вздрагивая от грубости его тона.

Он улыбается. Но это не радостная улыбка – скорее, в ней можно прочесть: «*Хочешь, чтобы я сделал чего похуже?*» Такая улыбка предназначена противникам, а не друзьям.

– Что ты видела?

– Ничего, – я отступаю назад, но Аид следует за мной, вновь останавливаясь рядом.

– Почему я тебе не верю?

– Пожалуйста, – шепчу я, – я ничего не скажу.

– О чем? – он наклоняет голову. – О чем ты можешь сказать, если ничего не видела?

– Простите... – мое горло сжимается, и я продолжаю пятиться назад, крепко сжимая клатч и туфли.

Мне не следовало приходиться сюда. Нужно было оставаться в своей квартире и пробовать завести друзей при дневном свете. Или подождать, когда я выйду на работу, и подружиться с кем-нибудь из коллег.

Какая же я дура.

– Она собирается сбежать, – говорит третий.

Я смотрю через плечо Аида на человека в красной маске.

– Позволь ей, – говорит Аполлон.

В его руке все еще находится нож, лезвие которого окрашено кровью. Это он ударил ножом того мужчину. Убил его.

Их взгляды слишком пристальны, и они правы – я хочу убежать. Хочу убежать как можно дальше отсюда, но, дрожа всем телом, могу лишь стоять на месте. Однако мой самоконтроль лопаается, будто мыльный пузырь, стоит Аиду отвести от меня взгляд и посмотреть на «Олимп». Развернувшись, я на всех парах мчусь вниз по склону, но вместо того, чтобы свернуть на дорогу, я лавирую между машинами, направляясь к лесу. Бежать босиком не лучшая затея, но у меня нет времени останавливаться, тем более на открытом пространстве.

К тому моменту, как я миную последний ряд машин, я уже тяжело дышу и на миг задумываюсь: отпустят ли они меня? А затем в ночи раздается вой. Мне совершенно очевидно, что это человеческий голос, будто один из троих объявил охоту на добычу, которой стала я. По моему позвоночнику пробегают мурашки, и я заставляю себя бежать быстрее. Мне кажется, что я слышу, как они мчатся за мной. Я слышу их смех и топот, хотя, возможно, это всего лишь игра воображения, потому что единственное, что я действительно отчетливо слышу, – это свое прерывистое дыхание. Я вижу просвет среди деревьев и бегу к нему с колотящимся сердцем, которое готово вырваться из груди. Лес погружает меня во тьму, и тропу, по которой я бегу, совершенно невозможно разглядеть. Кроны деревьев загораживают весь лунный свет, а камни впиваются в подошвы ног. Я вздрагиваю, когда что-то острое вонзается в мою стопу.

Нашупав кнопку фонарика в телефоне, я нажимаю на нее как раз в тот момент, когда в темноте раздается еще один вой. Вздрагивая, я роняю телефон, и яркий свет прочерчивает дугу в воздухе. Фонарик выключается, и мне приходится встать на четвереньки, чтобы найти телефон на тропинке. Паника сдавливает мое горло, пока я судорожно копаюсь в опавших листьях и сосновых иголках. Но вот мои пальцы касаются гладкого экрана телефона, и я быстро проверяю его на наличие повреждений. Он цел. Поднявшись на ноги, я понимаю, что в лесу воцарилась тишина, из-за которой стало еще хуже. Потому что я понятия не имею, где они находятся. Я больше не слышу ни воя, ни шагов. Я изо всех сил пытаюсь отдышаться, успокоить сердцебиение, облегчить давление в легких, одновременно пытаюсь понять, преследуют ли они меня до сих пор или уже загнали в ловушку, и я оказалась там, где им нужно. Решив, что мне нужно продолжать двигаться, я освещаю телефоном тропинку и кричу, когда вижу силуэт Аида, шагающего ко мне. Отступая, я спотыкаюсь обо что-то и с шумом падаю. Игнорируя вспышку боли в позвоночнике, я пытаюсь отползти назад.

– Пожалуйста, не надо...

Я снова пытаюсь сбежать, но чьи-то руки хватают меня за плечи и поднимают с земли. Мое мужество мгновенно улечивается, а боль в ноге затмевается страхом и адреналином. Фонарик моего телефона освещает сначала деревья, которые, кажется, наклоняются к нам, а затем Аида, остановившегося прямо передо мной. При свете телефона маска придает ему особо зловещий вид, и я чувствую себя странно уязвимой без своей. Пока он наклоняется, чтобы поднять мой клатч, я рискую оглянуться через плечо и вижу человека в красной маске, который крепко прижимает меня к себе. Ухмыльнувшись, он наклоняется и проводит носом по моему уху, отчего по всему телу пробегают мурашки, и я вздрагиваю.

– Кора Синклер, – Аид показывает мне мое удостоверение личности, а затем начинает просматривать его. – Зачем ты здесь?

– Я пришла посмотреть...

– Почему ты в моем городе, Кора Синклер? – спрашивает он, сузив глаза и сжав губы в тонкую линию. – Одета ты, как обычно приходят в «Олимп», – подойдя ближе, он окидывает меня более критичным взглядом. – Поношенное платье и пластиковая маска. Ты знала, во что ввязываешься?

У меня складывается впечатление, что обычно ему достаточно задать вопрос один раз, и люди с готовностью повинуются ему. А в моей ситуации – с человеком в красной маске прямо за спиной и Аполлоном, одному богу известно где, – я должна быть одной из таких людей.

Но моей слабостью всегда была глупость. Глупость не сдаваться, когда следовало бы, поэтому я продолжаю хранить молчание. Кроме того, платье не такое уж и поношенное.

Я стискиваю челюсть, и человек в красной маске усмехается.

– Она мне нравится. Может, нам стоит оставить ее себе?

Похитить меня?

Аид качает головой и подходит ближе, дергая меня за прядь темных волос.

– Расскажи мне.

Я смотрю мимо него, радуясь, что изменила свою внешность перед отъездом из дома, потому что, если он так пристально разглядывает меня, чтобы запомнить, как я выгляжу, его ждет разочарование. Это не настоящая версия меня, а просто еще один слой, иллюзия, которую я создала, чтобы защититься.

Он тянет мои волосы сильнее, и я вздрагиваю.

– Я приехала ради стипендии в СФУ – университете Стерлинг Фолс.

Мне неприятно, что я признаюсь ему в этом, сдаваясь только потому, что он прикоснулся ко мне. Или возможно, я сдаюсь по другой причине? Например, потому что инстинкт самосохранения наконец-то дает о себе знать.

– В следующем году меня ждет полная стипендия.

– Слушай меня очень внимательно, – он накручивает мои волосы на пальцы, заставляя наклонить голову, почти причиняя боль. – Ты совершила ошибку, придя сюда, ведь мы не даем второго шанса. Итак, ты собираешься уехать из Стерлинг Фолс, потому что здесь тебе делать нечего.

Отпустив мои волосы, он засовывает мое удостоверение в передний карман своих брюк. Удостоверение личности, в котором указано мое имя и домашний адрес моих родителей. Части моей личности, которые я не могу изменить: рост, дата рождения, цвет глаз.

Мой желудок сводит, и я прикусываю язык. Рот наполняется медным привкусом крови, отчего тошнота усиливается.

– Я пока придержу это у себя, – ухмыляется Аид. – Просто на случай, если ты решишь кому-нибудь рассказать о том, что видела, хотя в любом случае тебе никто не поверит. На данный момент Кору Синклер не существует.

Человек в красной маске за моей спиной отпускает меня, когда Аид проходит мимо. Мои колени подгибаются, и я падаю на землю, пялясь на экран своего телефона. Их шаги

постепенно удаляются, пока в лесу не остаюсь только я. Но его зловещие слова продолжают звенеть у меня в ушах.

На данный момент Кору Синклер не существует.

Часть меня хочет верить, что это шутка и их влияние не распространяется так далеко, но они убили человека, даже не дрогнув. И он забрал мое удостоверение личности. Он знает мое имя и то, что я в этом городе из-за учебы.

Экран на моем телефоне мигает, а затем гаснет. Я остаюсь в темноте.

Глава 1

Кора

Три месяца спустя

В кабаке темно и многолюдно. От этого места исходит дурная энергетика, которую я уловила только после того, как побывала здесь несколько раз. Каждый раз, когда я ухожу отсюда, мне кажется, что негатив, витающий в воздухе, прилипает к моей коже. Но тем не менее, никто не хватает меня, пока я пробираюсь между столиками. Молодые люди остаются сидеть на своих местах, игнорируя меня так же, как официантки и бармен.

Невидимка – моя новая профессия.

Охранник у дверей задней комнаты протягивает руку, преграждая мне путь, и я недовольно поджимаю губы.

– Он просил меня прийти.

– Он занят.

– Трахает очередную девку? Нашел чем удивить, будто я не видела этого раньше.

Мне безразлично.

Единственное, благодаря чему я выживала последние три месяца, – это безразличие. Я подавляла любую появляющуюся во мне эмоцию до тех пор, пока от нее ничего не оставалось. Я не поверила Аиду, когда он сказал, что меня больше не существует, но нужно отдать ему должное – сработал он быстро. Мое будущее было тщательно продумано. Я собиралась приехать в Стерлинг Фолс летом, чтобы найти работу, познакомиться с городом и кампусом, а осенью начать учебу. Но когда я пришла устраиваться на работу, в отделе кадров вели себя так, словно меня не было на собеседовании и я не приезжала к ним в офис уже дважды. Мне указали на дверь и попросили не возвращаться, будто это была моя вина, что они потеряли бумаги. Если бы я не вложила все свои сбережения в съемную квартиру, возможно, я бы просто бросила все это и вернулась на лето домой. Но в моем арендном договоре было четко прописано, что, если я нарушу условия, плакала моя тысяча долларов. Но это были еще цветочки...

В первый же день летней ориентации меня вызвали в офис финансовой помощи СФУ – возникла проблема с моей стипендией. Вернее, данные о ней просто куда-то исчезли. Возможно, это была ошибка в системе, потому что очевидно они не знали, что я стипендиат, а так как я не знала об этой проблеме и не пришла разбираться раньше, это побудило их предложить стипендию другому студенту. Так я осталась без работы и без стипендии.

Аид хотел, чтобы я исчезла из его города, но он связался не с тем человеком, потому что я не собиралась никуда уходить. Я не могла. Не тогда, когда в Изумрудной Бухте меня ждало кое-что похуже. Назовите меня безрассудной, но к июню я была уже взбешена до чертиков. Первый месяц выдался самым тяжелым. Я подавала заявление о приеме на работу куда только можно, но мне никто не перезванивал. Мне следовало уйти из СФУ, потому что из-за всей этой неразберихи у меня не было никакой финансовой помощи, за исключением кредита, который я все-таки смогла получить. Он покрывал мое обучение за первый семестр и арендную плату за квартиру, потому что единственное, что могло стать более дерьмовым в моем положении, – это бездомность. Я выкроила пятьсот долларов наличными на еду, но они закончились слишком быстро, и теперь мне ничего не оставалось, кроме как попытаться выпросить еще немного времени у кредитора. Я знаю, как плохо звучит то, что мой кредитор ведет свои дела в баре, но послушайте – ни один банк в здравом уме не дал бы ссуду безработной девушке на мели. Моей первой ошибкой была попытка скреативничать, найдя обходные пути. А второй – рассказать бармену о моем провале, тратя последние несколько долларов на водку, вместо, не знаю, хотя бы бургера или билета из города. Мне казалось, что я пропаду, если бармен не поверит мне, потому что я не собиралась плакаться по этому поводу родителям. Они знали, как упорно я боролась, чтобы попасть сюда, и для них у меня все было прекрасно. На прошлой неделе я приступила к занятиям, а учеба в этом университете – это все, о чем я мечтала. Благодаря ей я смогу найти себе достойную работу, пусть и не в этом городе. Я смогу устроить свою жизнь! Мои мечты так близки, что я могу прикоснуться к ним... если разберусь в сложившейся ситуации. Возможно, я смогу повторно подать заявку на стипендию на следующий год. Сделать хоть что-то.

– Он ни с кем не трахается, – усмехается охранник. – Он просто занят.

Я скрещиваю руки на груди, оторвавшись от гнетущих мыслей, которые не покидают меня последние три месяца, вновь и вновь закручиваясь в порочном круге. Мне кажется, что я и сама хожу по нему.

– Звонок, – напоминаю я. – Он просил меня прийти.

– Видимо, ты не очень торопилась сюда, – приподнимает бровь охранник.

Это правда, я задержалась, потому что нервничала из-за невозможности заплатить. Ведь это означает... В общем, я не уверена, что это означает, потому что мне едва удалось разделиться с первыми двумя платежами, а третий я должна была погасить еще неделю назад. Но у меня не было таких денег. У меня вообще не было никаких денег. Я попала в долговую яму и продолжаю закапываться в нее все глубже. Когда я призналась своему кредитору в том, что у меня не осталось денег, я ожидала, что он буквально выломает мою дверь и отрубит мне руку. За последний месяц я похудела на десять фунтов². Я все время чувствую усталость, но все равно не могу бросить учебу и признать поражение. Ни в коем случае. Мне приходится выполнять домашние задания в библиотеке, потому что у меня нет денег на учебники, и периодически прокрадываться в столовую, чтобы добыть себе немного еды, иначе я начну падать в обморок от голода. Хотя на данный момент я делаю это намного чаще, чем периодически.

– У него есть для тебя предложение, – охранник кивает головой в сторону бара. – Присаживайся и съешь что-нибудь, пока не свалилась. Он скоро выйдет.

² Около 4,5 кг.

Несмотря на мое молчание, я не могу отрицать, что умираю с голоду, и мой желудок подтверждает это спазмом. Поэтому я сажусь на барный стул и подзываю бармена, который принимает мой короткий заказ и быстро возвращается с полной корзинкой картошки фри и содовой.

– Ты ешь это дерьмо?

Я оглядываюсь через плечо на охранника:

– А тебе не плевать?

– Просто интересно, как ты остаешься такой худой?

– Я ем в рамках своего бюджета, придурок, – отвечаю я, закатывая глаза.

Быстро поглощая подостывшую и немного несвежую на вкус картошку, я чувствую себя диким животным, хотя всем вокруг наплевать на манеры.

– Твоя очередь, – зовет меня охранник.

Дверь за его спиной приоткрывается, и, прежде чем встать, я запихиваю в рот еще три картофельные палочки, забирая напиток с собой.

Охранник вздыхает, когда я прохожу мимо, и меня одолевает вопрос: нормально ли его поведение, и неужели я настолько неприятна? Хотя за три месяца пребывания здесь я вообще не знаю, что теперь может считаться нормальным. Этим городом правят две банды. Зоны их интересов варьируются от войны до денег, но, в конце концов, эти интересы сходятся в одном: во власти.

– Моя девочка-невидимка! – слышу я голос своего кредитора, когда вхожу в кабинет.

Он сидит за своим огромным металлическим столом, самодовольно ухмыляясь.

– Как тебе наша еда?

– Могло быть и лучше, – я пожимаю плечами и сажусь в кресло напротив него, скрестив ноги.

Совсем недавно я поняла, что мне стоит скрывать свой страх за смелостью, ведь он дал мне ссуду, только когда я этого потребовала. Хотя при первом разговоре он сказал, что не ведет никаких дел с *маленькими девочками*. Я заставила его передумать и искренне сожалею об этом.

– Ну да, – хихикает он.

– Я для чего-то нужна?

В его глазах будто загорается искра, пока взгляд скользит вверх и вниз по моему телу, хоть оно и скрыто под мешковатой футболкой.

– Ты знаешь, кто стер тебя с лица земли и объявил невидимкой?

Я молчу, стиснув зубы, потому что с той ночи я избегала «Олимпа», как чумы. Конечно, это не помешало мне попытаться выяснить, кто они такие. Однако что-либо разузнать мне не удалось. Я вообще не могу понять, откуда у него такая власть, ведь эти люди не входят в две враждующие банды Стерлинг Фолс. Но совершенно очевидно, что какой-то властью они все же обладают. Потому что до встречи с ними я жила своей обычной жизнью, пока в какой-то момент – «бах!» – она не исчезла. Несмотря на мои старания, я так и не узнала его имени. Для меня он оставался просто Аидом. Их лица были скрыты под масками, но они запечатлелись в глубине моего сознания. Аид, Аполлон и третий, в кроваво-красной маске. Это Аид был тем, кто решил, что я должна исчезнуть. Тем, кто потянул за ниточки своей власти и заставил это случиться. Я чувствую это нутром, поэтому у меня на него зуб.

– Что ж, по крайней мере, ты отважна, – кредитор наклоняется вперед, упираясь локтями в стол. – Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня, и тогда я спишу твой долг.

– Полностью? – от неожиданности я выпрямляюсь.

– Ага, и у тебя есть тридцать секунд, чтобы принять решение.

– Подожди, – замираю я. – А ты не расскажешь, чего именно ты от меня хочешь? Что я должна сделать?

Внезапно я чувствую, как комната начинает давить на меня тяжестью выбора. Я думаю о риске, сопровождающем ответы «да» и «нет». Я отчаянно хочу отомстить, но именно это отчаяние заставляет меня задуматься. Ведь он эксплуатирует мою же слабость. Я вообще нахожусь здесь только потому, что он воспользовался моей потребностью в деньгах.

– Тогда я испорчу все веселье, – подмигивает он, не обращая внимания на мою нерешительность.

– Тогда нет, – отвечаю я, прищуривая глаза.

– Отлично. Дай мне свою руку, – говорит он, подзывая меня.

– Зачем?

– Ты задаешь слишком много вопросов. – Я вижу, как в его взгляде плещется гнев.

Не дождавшись действий с моей стороны, мужчина резко встает и обходит вокруг своего стола. Когда он останавливается рядом со мной, и я поднимаю взгляд на его лицо, то чувствую дрожь и отвращение, будто вся негативная энергия бара исходит именно от него. Я знаю, что он всего на дюйм выше меня, но это не имеет значения, когда он возвышается над моим стулом. Он сложен как бульдог – приземистый и накачанный, с темными волосами с проседью.

– Вот в чем дело, моя девочка-невидимка. Ты должна мне денег, и, к несчастью для тебя, я не могу позволить тебе просто уйти от этого долга. Как это будет выглядеть? С каждым днем твой долг будет становиться все больше. А ведь у меня было к тебе предложение, связанное с моим бизнесом. А теперь дай мне свою руку.

Я тяжело сглатываю, меня колотит от нервозности. Я начинаю жалеть, что съела картошку фри до того, как вошла сюда, потому что теперь первое место в моих мыслях занимает тошнота. Я боюсь, что то небольшое, что я съела, окажется на его ботинках. Блеск в его глазах – это тест, и, в конце концов, я выбираю менее насильственный путь, поэтому делаю, как он говорит, и протягиваю ему руку в жалкой попытке успокоить его. Он берет меня за левое запястье и проводит пальцем по его внутренней стороне, а затем встает и кладет мою руку на свой стол. Меня душит внезапный страх, и я запоздало пытаюсь вырваться из его хватки, но он держит меня слишком крепко. Повернувшись боком, он застегивает на мне наручники, прежде чем я успеваю освободиться. Я оказываюсь прикованной к противоположной стороне стола, поэтому чуть ли не лежу на его поверхности, высунувшись из кресла. Цепь наручников настолько короткая, что не оставляет места для маневра, и мне приходится упираться в стол свободной рукой. Он подходит с другой стороны и хватает и ее тоже.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я с дрожью в голосе, хотя обещала себе никогда не показывать страха в присутствии таких людей, как он.

Не скрою, что я переживала вещи и похуже, но сейчас я нахожусь на грани слез. Он игнорирует мой вопрос и медленно подходит к камину. Я снова дергаю руками, но металлические наручники не поддаются.

Этот ублюдок что, садист?

Взяв металлический прут, вытасненный из пламени камина, он возвращается к моему креслу.

– У тебя такая красивая кожа, – говорит он, проводя свободной рукой по моему левому запястью. – Это последствия того, что ты не можешь заплатить долг.

– Клеймо? – я не могу отвести взгляд от светящегося бело-оранжевого конца металлического прута.

От отвращения у меня сводит живот, и я сжимаю губы, чтобы сдержать рвотный позыв.

– Ты что, серьезно? Я достану деньги...

– Ты можешь подумать, что я веду себя как пуп земли, и будешь права.

Мне не верится, что он сопровождает это издевательство чертовыми разговорами, а потом он показывает мне накаленный конец металлического прута, и я могу ясно различить на нем изображение песочных часов. По моей спине пробегает дрожь.

– Меня зовут Кронос. Я титан времени и эпох. Мы выбираем себе имена, когда вступаем в эту жизнь. Это своего рода перерождение или пробуждение, а я всегда был одержим временем. Особенно тем, как оно ускользает у нас из рук.

Я знала, что в одной из банд был участник с именем титана, но сейчас у меня появилось ощущение, что это не просто имя, а нечто большее.

Чувствуя стыд за свое поведение, я пытаюсь бороться с тошнотой.

– Пожалуйста, не надо! – я снова пытаюсь освободиться, хотя понимаю, что это бессмысленно.

Существует поговорка: глаза – зеркало души. Но когда он смотрит на меня, его взгляд становится каким-то безжизненным, и мои мольбы не смягчают его.

– Я оказал тебе услугу, а ты дерзишь мне и пытаешься избежать оплаты своего долга, не пошевелив и пальцем.

– Я не пытаюсь ничего избежать, – вздрагиваю я. – Мне просто нужна небольшая отсрочка...

Кредитор протягивает руку и хватает меня за щеку, пристально смотря мне в глаза, позволяя заглянуть в его зеркало. То, что я вижу, пугает меня до чертиков. В его глазах нет ничего, кроме порочности.

– Я надеюсь, ты закричишь.

Все плохое, что когда-либо случилось со мной, отзывается внутри ревом, но на этот раз страх уступает место ярости. Если он серьезно не собирался иметь со мной никакого дела, то ему следовало продолжать отказываться от ссуды.

– Пошел ты, старик! – я плюю ему в лицо.

Он ухмыляется и даже не вытирает слюну, стекающую по его щеке, а просто придерживает мою левую руку ладонью вверх и поднимает прут. Я не могу отвести взгляд от раскаленных песочных часов, пока он переворачивает прут, поднося его к моей руке. Жар обжигает кожу даже на расстоянии нескольких дюймов.

– Прекрати, я сделаю все, что ты хочешь! – я не могу сдержать слетающей с губ мольбы. – Я сделаю это...

– Твои тридцать секунд прошли, и я бы соврал, если бы сказал, что мне не понравится то, что будет дальше.

На мгновение я встречаюсь с ним взглядом, а потом его внимание возвращается к моему запястью. Тому самому, на котором больше синяков в виде отпечатков пальцев, чем я могу сосчитать. Это запястье было сломано не один раз, как и предплечье. А в месте, где кость прошла сквозь кожу, есть тонкий шрам. Мои руки перенесли много травм от других людей, поэтому, когда он отпускает мою руку и прижимает горячий металл к моей коже, мгновение я ничего не чувствую. Но только мгновение. А потом до меня доходит запах горячей плоти, и агония пронзает меня. Я сжимаю кулаки и зубы так крепко, что прикусываю кончик языка. Горячая кровь наполняет мой рот, но это помогает мне подавить крик, который так хочет услышать этот ублюдок. Когда он убирает прут, тело вспыхивает жаром. Боже, у меня такое чувство, будто вся моя кожа загорелась. Я падаю вперед на стол, упираясь лбом в свое предплечье. Паника нарастает, сдавливая горло и лишая возможности дышать. Но я знаю, что мне нужно отгородиться от пульсирующей боли в руке и обуздать свое отчаяние. Кредитор смеется, видя мои страдания, и возвращает прут обратно в огонь. Вероятно, для следующей ничего не подозревающей жертвы. Он возвращается в кресло и откидывается на спинку, скрещивая ноги и не обращая внимания на то, что я продолжаю лежать на его столе. Он наклоняется вперед, пока мои скрюченные пальцы не оказываются в нескольких дюймах от его груди, и продолжает наблюдать за мной со слишком явным весельем на лице. Радуюсь своей власти над людьми, растянутыми на его столе. Побежденными.

– Я предупреждал тебя, – в конце концов говорит он. – Предупреждал, что мы не имеем дело с такими маленькими девочками, как ты, но я буду рад нашей следующей встрече, если она будет хоть немного похожа на эту.

– Ты гребаный садист, – вздрагиваю я. – Отпусти меня.

– Тебе следует намазать руку мазью, когда вернешься домой, – говорит он, доставая ключи и отстегивая наручники – сначала с неповрежденной руки, потом с другой.

Я отшатываюсь назад, прижимая запястье к животу. Я даже не могу на него смотреть.

Мужчина продолжает внимательно изучать меня, пока я пячусь к двери.

– Девочка-невидимка, – говорит он. – Если ты не заплатишь в следующем месяце, ожидай повторения, или...

Этих слов достаточно, чтобы заставить меня задуматься над его предложением. Хотя я не уверена, как я должна его классифицировать, будет ли это работа или услуга. Возможно, он хочет предложить мне самоубийство, но я просто расходный материал, и мы оба об этом знаем.

– Хорошо, – выдавливаю я сквозь зубы, и он поднимает брови, когда я застываю на месте. – Меня могут убить?

– Только если поймают, – смеется он.

– А если я смогу сделать то, что ты хочешь? – сглатываю я. – Я больше не буду твоим должником? Больше никаких долгов и никаких одолжений?

– А если ты потерпишь неудачу, то твои проценты по долгу удвоятся, – он открывает ящик стола, достает конверт и бросает мне его через стол. – Я даю тебе время до конца месяца. Это единственная отсрочка, которую я могу тебе предоставить.

Я в спешке хватаю конверт и уже направляюсь к выходу, как слышу что-то вроде хмыканья. Я замедляю шаг и останавливаюсь, скрипя зубами.

– И последнее, – широкими шагами он пересекает комнату и встает рядом со мной.

Хоть разница в росте у нас незначительная, он кажется мне великаном.

– Если ты хотя бы подумаешь о том, чтобы покинуть Стерлинг Фолс, все наши сделки отменяются, – говорит он, и легкая ухмылка кривит его губы. – Я не просто найду тебя и приду за тобой. Я найду твою семью: мать-бухгалтера, дорогого отца, который работает в газете Изумрудной Бухты. Возможно, даже твою очаровательную подругу Марли. Она бы так же хорошо смотрелась прикованной к моему столу, как и ты. Возможно, я сделаю с ними то же самое, что и с тобой, и посмотрю, чей крик будет самым сладким. Я возьму то, что мне причитается из их плоти, а остальное выплатишь мне ты.

Он снова гладит меня по щеке, а потом будто бы из ниоткуда в его руке оказывается фотография, которую мы сделали с Марли, когда приехали посмотреть на кампус нашего университета.

В ужасе я отступаю назад.

– Да-да, девочка-невидимка, у меня имеется досье на каждого, кто заходит в мой кабинет, поэтому знай: какой бы план побега ты ни придумала, я все просчитал заранее и предпринял шаги, чтобы предотвратить это. А теперь – беги!

Вырвавшись со скомканным в кулаке конвертом, я не могу думать ни о чем, кроме того, что он знает о моей семье и лучшей подруге. Но именно так и поступают все злодеи, не так ли? Они находят рычаги воздействия и используют их, как могут.

Едва оказавшись на тротуаре, я даю волю слезам. Какая же я идиотка. Худшая из идиотов. Одна из тех, кто даже не подозревает, во что влипла, пока не коснется дна долбаного океана. Мне требуется половина пути, чтобы осознать, что я могла избежать клейма, если бы сразу согласилась на сделку Кроноса.

Стоит мне подумать о клейме, как моя рука начинает пульсировать болью, начиная с запястья и заканчивая плечом. Вытащив ее из-под рубашки и увидев, как кожа сильно покраснела и покрылась волдырями, я тут же кладу ее обратно, убаюкивая.

Наверное, моя голова затуманилась от боли, потому что мне показалось, что центр города вокруг меня изменился – небоскребы будто бы прогнулись под давлением.

Этот город был построен, чтобы привлекать туристов и студентов колледжей. Людей, которые на самом деле не понимают Стерлинг Фолс. В дневное время он очень оживлен – рестораны, бары, магазины манят прохожих зайти в них, однако все это ловушка. Хорошо продуманная иллюзия. За каждым магазином и за каждым рестораном скрывается темная схема раздела власти местных банд. Это стало ясно, когда мне удалось заглянуть за занавес этого города. Теперь мои глаза открылись, но пути назад нет. Когда я впервые приехала сюда, Стерлинг Фолс был для меня сияющим маяком надежды. Я даже поссорилась со своими родителями, рискуя нашими отношениями, чтобы мне вообще позволили сюда приехать. Моя мама работает бухгалтером в небольшой семейной фирме. Она хорошо училась и строила свою карьеру еще со времен школы. А папа начинал как писатель в газете Изумрудной Бухты – в городе, где я выросла. Ему удалось подняться по служебной лестнице до должности редактора, даже не имея диплома. Мои родители были разумными людьми, но разумность может мешать осуществлению мечты.

Ах да, забыла упомянуть о моих кошмарах. Как ни странно, я переехала сюда, чтобы *спастись* от них. Но каким-то непонятным образом я попала из одного кошмара в другой.

Я спешу побыстрее пройти Уэст-Фолс и добраться до кампуса СФУ. Уэст-Фолс – территория Титанов, о чем я совершенно не знала, пока не получила кредит у человека, который называет себя Кроносом. Должно быть, он их лидер. И хотя Кронос никогда не говорил об этом напрямую, после сегодняшнего дня я практически в этом уверена. Теперь мне не терпится погасить свой долг.

Как я уже говорила, этим городом правят две банды – Титаны и Адские гончие. И я хочу узнать, как во все это вписывается Аид, и какое отношение к бандам имеет «Олимп». Чтобы удовлетворить любопытство, мне нужен план, ведь сегодняшний разговор с Кроносом подтверждает мою теорию о том, что это трио не является частью банды Титанов. Значит, они входят в состав Адских гончих или независимы от тех и от других. Добравшись до кампуса, я первым делом проскальзываю в столовую и терпеливо жду, пока служащий не отвлечется на свои дела. Пока никто не видит, я накладываю еду на тарелку, наполняю один стакан льдом, а другой водой и нахожу пустой стол. Мгновение я позволяю себе ни о чем не думать и просто смотреть на темнеющее небо за окном, но затем, тихо вздыхая, я кладу немного льда на салфетку и прикладываю ее к обожженной коже. Меня накрывает паника, и, крепко зажмурив глаза, я шиплю от боли.

Раз, два, три, четыре... боль еще не прошла.

Но я осознаю, что я больше не в той комнате, и паника постепенно отступает. Устроив руку между своим телом и столом так, чтобы мне не приходилось держать лед, я принимаюсь за еду. Точнее, набрасываюсь на нее, поглощая с бешеной скоростью, будто меня могут вышвырнуть отсюда в любой момент, а ведь они и правда могут это сделать. Время от времени я замечаю сочувствующие взгляды, но, возможно, это просто говорит во мне паранойя. Мне следует приходить сюда, когда здесь больше студентов, чтобы слиться с толпой.

Макаронны тяжело оседают у меня в желудке, но я слишком голодна, чтобы останавливаться, и слишком нервничаю из-за того, что не знаю, когда мне удастся поесть в следующий раз, поэтому не могу насладиться обедом как следует. Каждый кусочек кажется пресным. Как только тарелка пустеет, я отодвигаю ее и залпом выпиваю воду. Лед в салфетке на моей руке тает, превращаясь в лужицу, и мое запястье снова начинает пульсировать, но я не обращаю на это внимания, доставая из кармана толстовки конверт. Я осторожно вскрываю его. В нем лежит один листок бумаги. Без каких-либо инструкций или наставлений. На листке написаны два слова – «маска Аида». Прочитав их, я расправляю плечи, чувствуя, как мой желудок делает сальто.

Он хочет, чтобы я украла маску?

Если я закрою глаза, то могу представить эту маску из белого черепа, но кроме нее я вижу жесткую линию губ под ней. Я напрягаюсь, понимая, что в моем соглашении с Кроносом ничего не говорилось о защите. Если я *не украду* маску, то мне уготовано еще одно клеймо на руке и *двойные* проценты, потому что я сильно сомневаюсь, что смогу собрать деньги для оплаты долга к концу месяца. Я могу только представить, насколько будет увеличиваться мой долг, пока я не могу его оплатить. И, как следствие, он взыщет его с моей семьи или с моей лучшей подруги.

Но если я попытаюсь сделать, что он просит... Если меня поймают, то, скорее всего, я умру. Закрыв глаза, я вспоминаю человека, которого они буквально выпотрошили, и это сошло им с рук. Я знаю, что сошло, потому что в газете не было даже намека на это событие. А если я чему-то и научилась у своего отца, так это тому, что люди любят жуткие новости и мертвые тела, особенно с ножевым ранением в живот. Это стало бы отличным заголовком для газет, но в них ничего не было. Точно так же, как и меня больше не было.

Повернув руку, я смотрю на внутреннюю сторону запястья. Кожа вокруг клейма покраснела, а песочные часы стали яркими и выпуклыми. Внешние линии клейма были тонкими и изогнутыми, как два колокольчика. По моей коже бегут мурашки, когда я смотрю на замысловатый, но некрасивый узор. Я уже говорила про негатив, который чувствую на своей коже, находясь в том баре? Вот и сегодня, до того, как я попала в кабинет Кроноса, я испытывала те же самые ощущения.

Я набиваю карманы едой, которую могу взять с собой, убираю бумагу в конверт, а затем торопливо выхожу из столовой.

Моя квартира находится в нескольких минутах ходьбы от кампуса. Возвратившись в нее, я запираю за собой дверь, бросаю ключи на стойку и, вытащив все из карманов, иду в ванную. После душа я намазываю запястье антисептиком и перевязываю бинтом. Стоит мне посмотреть на него в течение нескольких секунд, как тело вновь покрывается мурашками.

Мной воспользовались. Снова. И на этот раз я позволила этому случиться. События моего прошлого произошли не по моей вине, но Кронос... это мое собственное упрямство привело меня в ту комнату.

Итак, у меня есть остаток месяца, чтобы добыть эту маску. Я проведу свое расследование и выясню, не оставляет ли он ее где-нибудь, когда не надевает, если, конечно, он не спит в ней. Этот засранец мог бы приварить ее к лицу, если бы она давала ему больше преимуществ. При этой мысли я хихикаю.

Из-за Аида я все лето жила в аду, и мне нужно было помнить об этом, чтобы ненависть подпитывала мою решимость. Прошло три месяца. Разве не говорят, что месть лучше подавать холодной? Я уже решила, что собираюсь это сделать, и успех будет зависеть от моей подготовки. Но я могу только надеяться, что они не заметят моего прихода.

Глава 2

Кора

– Угадай, что?

Моя лучшая подруга открывает дверь, входя в комнату без стука, и я отрицательно качаю головой.

Семестр только начался, сегодня пятница, и она застала меня сидящей на диване, так что, полагаю, возможно все: она могла найти нового парня, узнать про бар, в который мы могли бы сходить, хотя мне это не по бюджету.

– Понятия не имею.

– Ты даже не хочешь попробовать угадать?

Марли бросает на меня выразительный хмурый взгляд, встав прямо передо мной. Наша дружба длится, кажется, целую вечность, и ее выходы меня несколько не смущают.

– Нет.

Всю последнюю неделю у меня было совершенно отвратительное настроение, потому что я откладывала неизбежное. Я выбросила листок бумаги, который вручил мне в конверте Кронос, чтобы перед глазами не маячило постоянное напоминание о том, что мне следует сделать. Конечно, мне нужно было строить планы по осуществлению этой задумки, но вместо этого я с головой ушла в учебу, продолжая представлять, как Кронос вырезает что-то на коже моей подруги. Кошмары снились мне настолько часто, что я пожалела о том, что не могу вообще не спать. Домашняя работа возымела должный эффект, и я наконец смогла отвлечься. Я любила учиться, но теперь даже меня начинало тошнить от того, как много я читаю, чтобы быть впереди. По крайней мере, мой семестр оплачен, и мне не нужно беспокоиться об этом до конца декабря. Затем я либо что-нибудь придумаю, либо вернусь в Изумрудную Бухту, поджав хвост. Мое решение зависит от оплаты моего долга и того, что Кронос решит со мной сделать, если я его не возьму.

Просто укради эту чертову маску, Кора, и возвращайся домой.

Мои родители могли бы простить меня за внезапный отказ от учебы, но я знаю, что не смогу простить сама себя. Во всяком случае до декабря еще далеко, и у меня есть время. Марли кашлем возвращает меня из моих мыслей на землю, и мне приходится закрыть книгу и обратить внимание на нее, игнорируя ее презрительный взгляд. На ней смелое темно-розовое платье с коротким рукавом, подчеркивающее ее изгибы. Она нанесла макияж: темные тени на глаза и светло-розовый блеск на губы. Ее светлые волосы распущены и волнами ниспадают на плечи. По сути она выглядит как секс-бомба, но держит руки за спиной, что немного странно. Я не привыкла видеть ее в таком образе, особенно в платье, так как большую часть времени она носит блузку и леггинсы.

– Ты выглядишь сногшибательно. Зачем это?

– Серьезно? – она закатывает глаза.

– Почему ты прячешь руки за спиной?

– Ты здесь уже три месяца, Кора, – хмурится она. – За это время ты хоть когда-нибудь как следует веселилась?

Я опускаю взгляд на свою руку. На прилавке уличного торговца я нашла широкий браслет из светло-коричневой кожи, который теперь прикрывает мою повязку. Так мне удалось избежать вопросов и взглядов на мою изуродованную плоть. Но ожог все равно отзывается болью, если я думаю о нем или неосторожно поворачиваю запястье.

– Ты хочешь сказать, что я скучная? – я стараюсь, чтобы мой голос звучал поддразнивающее, но она права.

Трудно быть веселой, когда ты до смерти взволнована. Я не могу допустить, чтобы Кронос причинил ей боль, но понятия не имею, как я собираюсь украсть маску Аида. Кронос сказал, что хочет отомстить Аиду, но я не понимаю, как к этому приведет кража его маски. Добавлю это к списку вещей, в которых я ничего не смыслю.

– Да, – смеется она, а затем показывает то, что прятала за спиной: две маски.

Я откидываюсь назад, подавляя нервозность и ощущение пустоты в животе.

– Что это? – спрашиваю я, будто ответ не очевиден.

– Маски, – она опускает взгляд.

Черт, я же еще не рассказала ей о своем первом путешествии в «Олимп» – и о том, как оно закончилось.

На самом деле в тот вечер Марли даже не было в Стерлинг Фолс. Она училась на курсе старше меня, хотя мы были ровесниками, потому что я целый год провела в колледже своего города. И до тех пор, пока я не получила стипендию в СФУ, я думала, что останусь там и буду получать степень младшего специалиста в области бизнеса. Теперь, похоже, мне и правда придется доучиваться дома, если, конечно, я вообще смогу выбраться из Стерлинг Фолс.

Марли будто не видит того, что я колеблюсь. Она поднимает одну из масок, похожую на морскую раковину, и подносит ее к лицу. Маска закрывает верхнюю половину ее лица, а шелковые ленты, предназначенные для того, чтобы зафиксировать ее сзади, свисают вниз. Эта маска отлично подходит к ее беззаботному настрою.

– А это моя? – я указываю на вторую невероятную маску, одна сторона которой покрыта розовыми и белыми цветами, а другая – кружевом и серебристыми бусами.

Взяв маску из рук Марли, я провожу пальцем по узорам, почти разочарованная тем, что они сделаны из ткани и клея. Эта маска намного красивее золотой.

– Итак, это означает «да»?

– И куда мы в них пойдём? – спрашиваю я, потому что она ожидает этого вопроса, но в своей голове я уже представляю «Олимп».

Я вспоминаю человека в маске кабана, курившего у колонн, Аида, Аполлона и мужчину в красной маске.

– Это сюрприз, – Марли подпрыгивает от предвкушения. – Давай тебя оденем.

Час спустя мои темно-рыжие волосы завиты, губы накрашены помадой в тон волос, и мне удалось найти среди своей одежды белое струящееся платье, достигающее до середины бедра.

После того как Аид забрал мое удостоверение личности, я решила, что мне пора вернуть свое прежнее я, поэтому вернулась к естественному цвету волос. В детстве он был ярко-рыжим, а со временем потемнел и стал темно-каштановым. Как только я это сделала, я почувствовала себя лучше. Я уже потеряла так много частичек себя, но, по крайней мере, сейчас я могла узнать себя в зеркале. А еще я проколола себе нос. Это произошло спонтанно. Проходя мимо какого-то салона, я просто решила зайти внутрь. Марли взбесилась, когда увидела серебряное кольцо, плотно прилегающее к моей носовой перегородке, а затем потребовала объяснить, почему я не взяла ее с собой.

Пока я наношу макияж, Марли стоит и улыбается, глядя на меня. Она думает, что поступает хорошо, стремясь развеселить меня. Поэтому она ждет, когда я закончу, то входя, то выходя из ванной, отмечая мои успехи.

Пока я заканчиваю краситься, погруженная в свои мысли, Марли находит золотые туфли с ремешками, те самые, которые я надевала, чтобы отправиться в «Олимп» три месяца назад. Мне потребовалась целая вечность, чтобы найти их, потом я искала выход из леса, и еще больше времени у меня ушло, чтобы добраться домой. От воспоминаний в горле встает ком. По возвращении я бросила туфли в шкаф и с тех пор к ним не прикасалась.

– Готова? – Марли поправляет на мне платье и откидывает волосы назад, внимательно глядя в мое лицо. – Ты что-то мне не договариваешь. – Она наклоняет голову.

Я нервно сглатываю. Вот сейчас я могла бы выложить ей все, что было у меня на душе. Но как я могла так поступить с ней? Ведь сегодня одна из тех ночей, когда нам положено веселиться.

Потом я вспоминаю, что Кронос угрожал не только моей жизни, но и ее. Поэтому я лгу.

– Все в порядке, просто нервничаю из-за твоего сюрприза.

Марли кивает, принимая мою ложь за чистую монету, и берет меня под руку, пока мы спускаемся вниз. Мы забираемся в ее машину – старую, потрепанную «субару», которая еще до Марли сменила четырех владельцев. Тем не менее, она на ходу, и этого нам достаточно.

Выехав на дорогу, Марли проезжает мимо кампуса СФУ и направляется в центр города, который является нейтральной территорией для банд. Когда мы выезжаем наверх и едем мимо холмов, дорога начинает сужаться, но Марли, кажется, это не беспокоит. Этот путь казался мне гораздо менее опасным, когда я ехала на заднем сиденье такси, чем сейчас, в маленькой машине Марли, мчащейся со скоростью света. Нервничая, я кладу ладонь на дверную ручку и сжимаю ее так, будто от этого зависит моя жизнь.

– А ты уже была там, куда мы направляемся? – я чуть ли не произношу слово «Олимп», едва не разрушив мою собственную ложь.

– В прошлом году, – признается она. – Мне не хотелось идти туда одной и пытаться с кем-то познакомиться, поэтому я согласилась на предложение Джанет. Прости, что не рассказала раньше.

Ей не стоило извиняться, ведь я не могу ожидать, что моя лучшая подруга будет тусоваться только со мной. Кроме того, мы никогда не думали, что у нас получится учиться вместе. Совместное обучение в университете было мечтой, от которой мы отказались задолго до того, как началась средняя школа. Марли вернулась в Стерлинг Фолс несколько недель назад и нашла меня... потонувшую в собственных проблемах. Я не знаю, как я умудрилась наделать столько ошибок за три месяца после приезда сюда, и я ни в коем случае не собиралась сваливать все свои проблемы на Марли, но с ее возвращением мне стало легче.

Внезапно в мою голову приходит вопрос.

– Нам нужно платить за билеты?

Марли поворачивается ко мне, улавливая мое беспокойство. По крайней мере, она знает, что с деньгами у меня туго.

– О боже мой! Прости! Я должна была тебя предупредить, но я заплачу за тебя.

Я вздыхаю. Финансовые трудности для меня не в новинку. Мне пришлось привыкнуть к жесткой экономии и расчету каждого пенни. А с предложением Марли выручить меня в некоторых расходах ситуация только усугубилась. Я могла бы позволить себе эти вещи, будь у меня работа или стипендия. Или жизнь, которую у меня отняли. Сейчас мое благосостояние буквально висит на волоске.

Внезапно дорога между холмами выравнивается, и Марли замедляет ход. Перед нами стоит вереница машин, и все они направляются в одно и то же место – к огромному мраморному зданию под названием «Олимп». Колонны перед входом кажутся мне такими же впечатляющими, как и в прошлый раз. «Олимп» похож на серебристого зверя, который сидит в тени на небольшом возвышении. На этот раз парадные двери открыты, и изнутри исходит золотистое сияние. Свет просачивается на главный двор, эффект от этого получается просто волшебный. Мы сворачиваем на территорию «Олимпа» и находим место для парковки.

Глядя на «Олимп», я делаю глубокий вдох, уговаривая себя, что на этот раз все будет по-другому. Во-первых, я смогу зайти внутрь, а во-вторых, рядом со мной Марли. Даже если я встречу с теми мужчинами – а я полагаю, мне придется с ними встретиться, раз я решила украсть маску Аида, – моя внешность изменилась. Теперь у меня есть пирсинг, мои волосы рыжего цвета, и вдобавок ко всему я похудела.

Марли указывает на цветочную маску, лежащую у меня на коленях, и, опустив зеркало, я завязываю ее на лице. Маска странным образом сочетается с моей темной помадой, рыжими волосами и белым платьем. Образ очень смелый, хотя я не уверена, что хочу, чтобы мой внешний вид заявлял об этом. К моей радости, Марли не указывает на неуместный браслет на запястье.

Несмотря на то, что для начала сентября погода стоит очень теплая, что-то в атмосфере вокруг вызывает у меня дрожь, и я бросаю взгляд через плечо в сторону леса, а потом быстро отворачиваюсь обратно. Я так и не узнала, что на самом деле происходит в «Олимпе», за исключением того, в чем туда нужно приходиться. После своей первой ужасной попытки я больше не интересовалась этим местом.

Мы присоединяемся к толпе, которая направляется к особняку. У огромной двери стоит мужчина в маске черного ворона и собирает наличные за вход. В прошлый раз я видела здесь мужчину в маске кабана. Мне интересно: это разные сотрудники или просто разные маски?

– Я плачу за тебя, помнишь? – говорит Марли, толкая меня локтем.

Я киваю и прикусываю щеку. То, что кто-то платит за меня, только усиливает чувство вины, но я стараюсь не позволить этому испортить мое и без того скверное настроение.

– Я верну тебе деньги.

Очередь продвигается очень медленно, и я вытягиваю шею, чтобы заглянуть внутрь, но не вижу ничего, кроме еще одних распахнутых дверей. Резьба на них более выпуклая, и мне сразу хочется подойти поближе, чтобы провести по ней пальцами. Толпа вокруг нас пестрит разнообразием. Все носят причудливые маски, некоторые мужчины и женщины одеты весьма официально: в длинные платья и смокинги, а на других простые рубашки с открытым воротом, юбки и укороченные топы. Я никак не могу взять в толк, как должны быть одеты мы? Потому что наш стиль – это середина между первыми и вторыми.

Наконец мы подходим к дверям, и человек в маске ворона некоторое время пристально смотрит на нас. Моя лучшая подруга открывает сумочку и достает две купюры, но, как ни странно, темные глаза мужчины впиваются в меня. Я прищуриваюсь, глядя на него и пытаюсь понять, узнаю ли я в нем того курильщика, который бросил меня у этих дверей три месяца назад. Хотя это просто смешно: я не смогла бы его узнать точно так же, как и он не узнал бы

меня. Спустя такое количество времени некоторые детали того дня просто размылись в моем сознании. Например, я не могла вспомнить, на сколько минут опоздала или к какой колонне прислонился тот мужчина. Но от некоторых воспоминаний я до сих пор не могла избавиться, хотя мне очень этого бы хотелось.

– Бесплатно, – голос мужчины хриплый и тихий, но мурашки снова бегут по моему телу.

Не испытывая никакого дискомфорта, Марли радостно благодарит его и тащит меня внутрь. Быстро оборачиваясь на дверь, я различаю изогнутый венок из листьев, прикрепленный к ней на уровне моих глаз. И вот мы уже внутри.

Судя по размерам двери, я подозревала, что нас ждет что-то грандиозное, но понятия не имела, что именно. Пройдя через большой атриум, мы подошли к огромной лестнице, которая через несколько пролетов разделяется надвое. На втором этаже, высоко над нашими головами, площадки окружены открытыми перилами, откуда, должно быть, открывается прекрасный вид. По бокам от атриума стоят мраморные колонны, скрывая затененные ниши, а по обе стороны от лестницы я вижу арочные дверные проемы, ведущие дальше. Это похоже на выбор между раем и адом. В нише стены над лестничной площадкой стоит статуя. Возможно, она тоже когда-то была мраморной, но теперь переливается черным и золотым. Недвижимый мужчина обладает неземной красотой, а его золотая корона сияет.

– Выпей, – Марли передает мне фляжку. – Может, тогда ты перестанешь так сильно держаться.

Я замираю. Напиться, чтобы приступить к своей задаче с притупленными чувствами – последнее, что мне нужно. Не могу отрицать, что каждое случайное прикосновение заставляет меня вздрагивать. Это симбиоз моего прошлого и недавних событий с Кроносом. Мужчины, появлявшиеся в моей жизни, сначала казались мне добрыми, но потом быстро доказывали, что мои суждения неверны, а инстинкты подводят. Но Марли – человек, которому я действительно доверяю, поэтому я откручиваю крышку фляжки и делаю небольшой глоток. Джин – ее любимый напиток с тех пор, как мы были еще подростками, оставляет у меня во рту отчетливый сосновый привкус. Я морщусь и пихаю ей фляжку обратно, из-за чего Марли тихонько смеется.

– Зачем мы сюда приехали?

Комната полна народу, но некоторые ведут себя так, будто вокруг никого нет. Некоторые объединяются в группы и болтают с друзьями, другие стоят поодиночке. Однако мы все находимся так близко, что не имеет значения, кто именно с кем общается.

У меня возникает непреодолимое желание подняться по этой лестнице и исследовать каждый дюйм этого места. Мы будто бы перенеслись в другой мир. В Древнюю Грецию, судя по мрамору, резьбе и золотым вставкам. Этот контраст еще больше подчеркивается масками, которые, как сами люди и их наряды, варьируются от непритязательных до показных.

Мимо нас проходит женщина в ярко-фиолетовой маске, закрывающей большую часть ее лица, а гигантские фиолетовые перья создают эффект короны.

– Они никогда не впускали меня бесплатно, – сообщает Марли мне на ухо. – Думаю, ты мой талисман. Просто подожди – скоро начнется.

– Начнется что?

– Лучшей частью моего вечера будет наблюдение за тем, как ты во всем разбираешься, – подмигивает она.

Я вздыхаю, а потом кое-что привлекает мое внимание. Вернее, не кое-что, а *кое-кто*. Он спускается по лестнице и останавливается на площадке. С появлением этого человека гигантские двери позади нас с шумом закрываются. Я стараюсь не дрожать, когда понимаю, что это Аполлон. При свете он выглядит одновременно великолепно и пугающе, хотя я думаю, что второе связано с моими страхами из-за нашей последней встречи.

Ты знаешь, на что он способен.

Его обнаженная грудь разрисована золотыми полосками и отпечатками ладоней, спускающихся по коже и исчезающих в коричневых кожаных штанах, а его маска – тот же самый золотой череп животного. Золотистые рожки торчат из висков и закручиваются вверх и назад, а кожаная бахрама с перьями и бусинками свисает по бокам, касаясь плеч. Он похож на воина из древних мифов. Когда вокруг нас воцаряется тишина, пристальное внимание зала переключается на него, чего он и хотел. Его темные глаза скользят по толпе, и я немного отступаю назад. Приглядевшись, я вижу, что кожа вокруг его глаз выкрашена в черный цвет, что усиливает контраст с маской. Едва все замолкает, он разводит руки в стороны. Будто не удержавшись, толпа синхронно наклоняется вперед в предвкушении. Мне же хочется убежать.

– Добро пожаловать, – негромко произносит он, одаривая нас дикой ухмылкой, но его голос разносится по всему залу и проходит прямо через меня. – Добро пожаловать в «Олимп».

Люди вокруг топают ногами, включая Марли. Я оглядываюсь, хмуря брови. С тех пор как я стала девушкой-невидимкой, я поняла, что слишком отличаюсь от людей вокруг меня и, находясь здесь, я ощущаю это еще более остро.

– Я Аполлон – ваш ведущий на этот вечер, – он делает шаг вниз, ближе к нам. – На прошлой неделе мы определили избранных, на этой они вступят в бой. Кто выиграет схватку и выйдет из этого зала, сохранив достоинство? А кого придется соскребать с пола?

Толпа ликует, воодушевившись обещанным насилием. Шум вокруг меня похож на звук взлетающей стаи птиц, он внезапный и хаотичный, и я пытаюсь унять дрожь. Не знаю почему, но я чувствую, будто Марли предала меня, ведь я не люблю кровь. На моем пути ее было слишком много, и я больше не хочу иметь с этим ничего общего. Наблюдая за подругой, я понимаю, что она так же увлечена, как и все остальные. Я же одинока в своих принципах, поэтому снова обращаю внимание на Аполлона. С ужасом я понимаю, что его взгляд прикован ко *мне*. По спине пробегают ледяные мурашки, будто меня только что окатили холодной водой. Я напоминаю себе, что выгляжу по-другому: у меня другая прическа и пирсинг, но лицо краснеет под маской и макияжем. Он не может знать, что это я, но мое тело определенно реагирует на его взгляд. Он долго смотрит мне в глаза, а затем продолжает говорить:

– Дверь открыта, друзья мои, скоро увидимся.

Он поднимает руку, и резкий хлопок эхом разносится по комнате. Из мрамора под его ногами вырывается дым. Поднимаясь вверх, он скрывает Аполлона от наших глаз, и, когда через несколько мгновений дым рассеивается, мужчины уже нет на лестничной площадке.

– Разве это не эпично? – восклицает Марли, хватая меня за руку. – Пошли, нам нужен хороший обзор.

Толпа вокруг нас редет. Некоторые остаются на первом этаже, но огибают лестницу, проходя через арки, остальные поднимаются повыше.

– Бой? – уточняю я. – Правда?

– Нет, это нечто большее, – говорит Марли, закашлявшись. – Это... это катарсис. Эти люди совершают безумные поступки, чтобы стать избранными. Для них это большая честь.

– Сколько раз, говоришь, ты бывала здесь?

Мне не следовало бы злиться, но она никогда не упоминала об этом раньше. Так же, как и я. А это означает, что мы обе лгуны.

– Мы с Джанет ходили сюда несколько раз, – морщится Марли. – Может, раза четыре или пять.

Вздыхнув, я сжимаю ее руку.

– Прости, я была ужасной подругой, и мне не стоит тебя судить. Ты поступила очень мило, что решила вывести меня из ступора.

– Что ж, хорошо, – отвечает Марли, поправляя свою маску и улыбаясь. – Спасибо. Я бы не привела тебя сюда, если бы думала, что тебе не понравится. К тому же мы можем просто поглазеть на красавчиков.

Что ж, это не самое худшее, что есть на свете.

– Ладно, пошли.

Марли первая поднимается по лестнице, прокладывая себе дорогу локтями через толпу. Поднявшись по левой стороне, мы видим, что путь перекрыт веревкой, поэтому идем направо. Правая сторона соединяется с частью атриума, где сходятся лестницы.

– Какое странное место, – говорю я себе под нос, и Марли кивает.

– Определенно, это часть его магии.

Разве не так я думала об этом месте раньше? Что оно волшебное. Тем не менее магия такого рода точно имеет свою цену.

Я снова вспоминаю о конверте, оставленном мне Кроносом, и о том, что время, которое он мне выделил, ускользает как песок сквозь пальцы.

Греческая мифология всегда представляла для меня особый интерес. Я читала, что Аид – это правитель подземного мира, брат Зевса и Посейдона. И он опасен. Кроме Аида, здесь есть Аполлон и человек в красной маске, у которого тоже должно быть имя бога. Интересно, помимо этих троих, в «Олимпе» есть еще мужчины с именами греческих богов?

Широкий коридор, по которому мы идем, имеет с правой стороны арочные проемы, расположенные через каждые несколько ярдов. Там установлены барные стойки, вокруг которых слоняются люди. За стойками работают мужчины в масках воронов – они не только разливают напитки, но еще и принимают ставки, раздавая позолоченные карточки в обмен на наличные.

Игнорируя бар, мы продолжаем идти и, пройдя еще несколько проемов, оказываемся на балконе, который очень похож на старую театральную ложу. Некоторые балконы больше других, но большинство вмещают от семи до десяти человек, если стоять у поручней. Тут нет сидений – может, потому что они не хотят, чтобы гостям было слишком удобно. Или, возможно, в такой атмосфере люди просто не думают о том, чтобы присесть.

С нашего балкона хорошо виден расположенный внизу ринг. Места рядом с ним быстро заполняются, как и балконы. Я чувствую витающее в воздухе возбуждение и слышу громкую болтовню. В отличие от обстановки на бойцовских рингах, здесь не ощущается запаха кислого пота и страха. Я не вижу никакой крови. Просто сладкий аромат женских духов и чего-то пряного.

– Как часто они это делают? – спрашиваю я Марли.

На приподнятую платформу поднимается Аполлон. Теперь я замечаю, что ринг покрыт песком. Аполлон хлопает в ладоши.

– Каждую вторую пятницу, – отвечает Марли.

Я подсчитываю в уме: в сентябре четыре пятницы, это вторая. Либо я смогу вернуться сюда через четырнадцать дней и украсть маску Аида, либо я потерплю неудачу, и у меня будет чуть меньше недели, чтобы придумать другой план. Внезапно я стала воспринимать все гораздо более серьезно, будто из Кору Синклер превратилась в кого-то другого. В преступницу.

– Сейчас мы познакомимся с новичками, – ухмыляется Аполлон.

Он воистину один из греческих богов. Бог солнца и света – не хватает лишь лука и стрел. У меня снова возникает чувство, будто он смотрит на меня, но я не осмеливаюсь это проверить. Мое внимание переключается на обстановку в зале, и я крепко хватаюсь за поручень.

– Сегодня вечером состоятся три боя избранных. Три победителя уйдут отсюда, – его губы опять кривятся в усмешке, – с милостью богов.

Даже мысли об этом кажутся мне кошунственными, но, должно быть, это все католическое воспитание, привитое родителями.

– И, как всегда, я представляю вам моих братьев, – Аполлон указывает на одну из лож на нашем уровне, где стоят два богато украшенных кресла, больше похожие на троны.

У меня перехватывает дыхание, когда я вижу, что мужчина, вставший на одно из них, одет во все красное, словно облит кровью. Его маска сделана из черных и красных перьев и

закрывает верхнюю половину лица. Красная кожаная куртка на нем распахнута и обнажает грудь и пресс, как у Аполлона, поблескивающие в тусклом свете. Его черные штаны похожи на замшевые – это тот мужчина, чье имя для меня было загадкой.

– Арес, – шепчет Марли мне на ухо.

Арес.

Я беззвучно произношу это имя, пробуя его на своих губах. Бог войны. Насилие и кровь. Теперь все понятно.

– И... Аид – зверь сражений!

Кто-то шаркает с другой стороны от меня, и я бросаю взгляд на мужчину, стоящего рядом. Его маска фиолетово-черная, с маленькими полосками молний. Видно, он достаточно смелый, если пытается быть похожим на Зевса. Но потом я улавливаю, что он только что сказал, и снова поворачиваюсь к ложе богов с их тронами.

Второй трон... От узнавания у меня сводит желудок. Маска этого мужчины белого цвета, она похожа на череп без нижней челюсти. Знакомые изогнутые рога из черного металла поднимаются из висков. Я видела эти рога, надвигающиеся на меня из темноты, в своих кошмарах. Черный пиджак Аида распахнут точно так же, как у других, обнажая идеальную грудь. Подобно золотым прожилкам на теле Аполлона или крови на теле Ареса, грудь и шея Аида вымазаны древесным углем, на груди виднеется темная татуировка. На его маске нет никаких украшений и драгоценностей. Смотря на него, я чувствую, как где-то под ребрами возникает странное чувство.

– Ходят слухи, что маска Аида – настоящий человеческий череп, – комментирует человек, косящий под Зевса.

– Я тоже это слышала, – кивает мне Марли, слегка отступая от перил.

– Он сражается? – спрашиваю я, когда у меня в очередной раз сводит желудок.

– Он уже давно этого не делал, но, возможно, нам повезет, и мы увидим это шоу. Ты в порядке? – Она подталкивает меня локтем.

– Все отлично, – выдавливаю я.

Возможно.

– Вы готовы? – обращается Аполлон к зрителям, подогревая их интерес, а его голос снова звучит негромко, но эхо разносит его по всему залу.

– Видимо, готовы, – говорю я, когда толпа вокруг начинает вопить и топтать ногами.

Я хватаюсь за полированный латунный поручень перед собой, пытаюсь отогнать дурноту. Аполлон продолжает говорить, представляя бойцов – избранных, но я не слышу этого. Мне все равно, кто сегодня будет драться, мое внимание сосредоточено на Аиде, чтобы запомнить его настолько, насколько это возможно. Он откинулся на спинку своего трона, расставив ноги и подперев подбородок кулаком. От него исходит равнодушие, которое, кажется, совсем не соответствует атмосфере в зале. На руке Аида татуировка, она спускается по предплечью и исчезает в рукаве. Пока я рассматриваю его, в моей голове назревает вопрос. Как же я собираюсь украсть его маску? Просто сорвать ее с его лица, как он сорвал маску с моего, и надеяться исчезнуть?

Меня оглушает новый рев толпы, и Марли тычет меня локтем в бок, возвращая мое внимание на ринг, куда уже поднялись два бойца. Их маски гораздо практичнее остальных – просто ткань, повязанная вокруг головы. Двое вышедших мужчин обнажены по пояс, их кожа скользкая от масла, а черные шорты мало что скрывают. Без лишних слов Аполлон отходит в сторону, и начинается драка. После первого удара кулаком и хруста хряща я отшатываюсь назад, чувствуя боль в собственном носу. Кровь капает на песок и быстро исчезает в нем. Я продолжаю отодвигаться подальше от этого зрелища, думая, что с шумом я еще смогу справиться, если не буду ничего видеть. Я выхожу в коридор и закрываю глаза, надеясь убедить себя, что крики толпы вызваны чем-то другим.

– Жалеешь, что пришла?

Мгновенно насторожившись, я оборачиваюсь и вижу перед собой Ареса. Вблизи его красная маска выглядит еще более гротескно, и похоже, что жидкость, разбрызганная по ней и окрашивающая перья в красный цвет, на самом деле является кровью.

Бог войны.

Я вспоминаю, как его руки удерживали меня в то время, как Аид объявлял меня невидимкой. Похоже, сейчас он видит меня насквозь, хотя, возможно, это из-за маски. Кажется, я ценна только тогда, когда за мной не закреплено имя.

– Я... – горький привкус наполняет мой рот, и я жалею, что поехала с Марли. Как оказалось, жажда насилия у моей лучшей подруги намного сильнее, чем у меня.

Она думала, что мне это понравится из-за того, что случилось с моим бывшим, но именно этот факт вызывает у меня тошноту. А это место – реальное напоминание о том, что произошло три месяца назад.

– Не думаю, что понимаю, – я слегка приподнимаю плечи, пожимая ими.

– Давай посмотрим, что мы можем с этим сделать. – Он протягивает руку. – Пойдем со мной.

Я встречаюсь с ним взглядом, и мое сердце замирает, когда я вижу, что его глаза красного цвета. В отличие от Аполлона, сквозь отверстия в маске Ареса не видно макияжа, затемняющего кожу. Как будто он хочет, чтобы люди знали, что он человек и монстр одновременно. Когда мы встречались в последний раз, я не могла заметить этого в темноте.

Должно быть, что-то случилось на ринге, потому что толпа раздражается дикими аплодисментами.

Подбородок Ареса чуть приподнимается, и я воспринимаю это как вызов. Возможно, он не привык к сопротивлению или к тому, что люди могут брезгливо относиться к дракам, но по иронии судьбы именно бог войны заметил мое отношение к происходящему, когда никто другой даже не оглянулся.

Я беру предложенную им руку, и мои пальцы сжимаются вокруг теплой кожи его куртки на сгибе локтя. Я позволяю ему увести меня по коридору. За нами наблюдают только люди в масках воронов, все остальные находятся на балконах и сосредоточены на схватке внизу. Такое ощущение, будто мы оба невидимы, и на этот раз по-настоящему. Свернув за угол, мы останавливаемся у черного занавеса, который Арес отбрасывает в сторону. Он показывает на два трона, которые они с Аидом занимали ранее. К моему счастью, Аид ушел с их балкона. Мне не нужно, чтобы он узнал меня. Арес тоже мог бы меня узнать, но, видимо, я остаюсь для него незнакомкой. Сейчас мне следует хорошо осмотреться и выяснить, как и когда я смогу снять маску с Аида. Подведя меня к своему трону, Арес садится на него, а затем... берет меня к себе на колени. Я тихонько вскрикиваю, когда его руки сжимают мои бедра.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Можете судить меня, но мой голос дрожит.

– Тебе будет приятнее наблюдать за боем, если ты будешь знать, что происходит, – говорит он прямо мне на ухо. – Большой парень приходил в «Олимп» несколько месяцев подряд, иногда он проигрывает, иногда выигрывает. Он Титан, но здесь об этом никто не знает.

Я ловлю себя на том, что киваю Аресу. Титан внизу выглядит очень грубым. Двое мужчин кружат друг вокруг друга, тяжело дыша. Судя по бою, более крупный соперник предпочитает левую стойку. Тут до меня доходят слова Ареса, и в груди все сжимается.

Титан, подобный Кроносу.

Ожог на моем запястье снова пульсирует, едва мне стоит вспомнить о моем кредиторе, и я радуюсь, что Марли не заставила меня снять браслет.

Арес проводит пальцем по моей руке, ненадолго задерживаясь на браслете. Возможно, он хотел, чтобы эффект от его прикосновений был успокаивающим, но тыльная сторона моих рук покрывается мурашками.

– А другой? – спрашиваю я, не зная, на что надеюсь: хуже он или лучше.

– Студент колледжа, но у него есть яйца, – рука Ареса сжимается на моем бедре, а я с новым интересом разглядываю невысокого мужчину.

– Ты находишь это захватывающим? – в его голосе слышится горечь, но разве он не сам хотел, чтобы я заинтересовалась происходящим на ринге?

Я отвожу взгляд, когда два бойца снова встречаются в центре, обмениваясь быстрыми ударами. Мой взгляд блуждает по балконам, пока я рассматриваю костюмы и наряды пришедших гостей, но затем два пальца на моем подбородке возвращают мое внимание к лицу мужчины, на коленях которого я сижу.

Моя кожа горит от его прикосновений и взгляда. Похоже, его тоже на самом деле не волнует бой, потому что он внимательно рассматривает мое лицо, линию шеи и белое платье. Его взгляд не кажется мне унижительным, скорее увлеченным, а затем его внимание задерживается на моих губах.

– А ты любопытная штучка, – его голос такой тихий, что я едва могу его расслышать. – Слишком невинна, чтобы находиться в подобном аду.

– Поверь мне, в аду я уже бывала, – говорю я, напрягаясь. – «Олимп» не идет с этим ни в какое сравнение.

Арес начинает что-то тихо напевать, но звук мелодии не столько слышен, сколько отдается вибрацией в его груди, и я чувствую, как мое сердце колотится в ответ. Внизу что-то происходит, потому что уровень шума толпы взлетает до небес, однако мы вовлечены в борьбу совсем другого рода.

Я не могу отвести взгляд от его красных глаз и не перестаю лгать себе, что он и это место меня не пугают, что он не узнает меня, что я еще не разобралась в Титанах.

Арес улыбается и проводит пальцем по моему подбородку.

– Я с нетерпением жду возможности познакомиться с твоей версией ада.

Я пытаюсь встать с его колен, и он отпускает меня.

Арес выглядит именно так, как я представляла себе греческих богов – высокомерный и изысканный. Внешне он кажется безразличным ко всему вокруг, но в глубине его глаз будто горят угольки. И он не соответствует той кошмарной версии, которая осталась в моих воспоминаниях. Все это слишком притягательно. Мне нужно убираться подальше отсюда для моего же блага.

– Скоро увидимся, – говорит он мне вслед, и каким-то волшебным образом я все еще слышу его – даже посреди визжащей и аплодирующей толпы.

Глава 3

Кора

– Ты хочешь вернуться? – Марли изумленно смотрит на меня, прижимая к моему лбу тыльную сторону ладони. – Ты что, заболела?

Я прячу в сумке проваленный тест по химии, игнорируя ее руку.

– Это было интересно.

Последние дни я никак не могла выбросить Ареса из головы. Он постоянно возвращался ко мне во снах. Я видела его красные глаза и то, как его руки сжимали мои бедра. Может быть, я проклята, поэтому эти сны терзают меня, но последние несколько дней Арес в них казался менее пугающим и более соблазнительным. Когда же я бодрствую, все, о чем я могу думать, – это о том, как я, черт возьми, собираюсь улизнуть с маской Аида. А еще о моем долге и моем голоде.

Все эти мысли так сильно отвлекали меня от занятий, что я совершенно забыла подготовиться к одному из первых тестов, пропустив, по крайней мере, половину вопросов. Единственная «хорошая» вещь – это то, что я не стипендиат и не могу лишиться стипендии, если завалю учебу. Все близкие мне люди, включая мою лучшую подругу, находятся в неведении касательно моих проблем. Слава богу, она не считает странным, что я стала чаще просить ее проводить меня в столовую, чтобы поужинать вместе. Думаю, она списала мою потерю веса на диету, а я просто не мешала ей делать выводы. Хотя сейчас внешне я совсем не похожа на ту пятнадцатилетнюю первокурсницу, которая приехала в кампус.

– Мне казалось, что твое лицо под маской было чуть ли не зеленым, – она прищуривает глаза.

– Ну ты же сама думала, что мне понравится, – справедливо напоминаю я.

Без лишних вопросов Марли проводит меня в столовую.

– Я думала, что тебе понравится, потому что попасть в «Олимп» – это как оказаться в другом мире. Но потом я увидела, что тебе не по себе, и мне самой стало плохо от того, что я решила привести тебя туда.

Если вдруг она и видела меня на коленях у Ареса, то, конечно, не упомянула об этом, потому что по возвращении к Марли я придумала какую-то ложь о том, что искала туалет. Я не люблю хранить секреты, но, оказывается, храню их слишком много.

Мы с Марли дружим с первого класса. Она приехала со своей матерью в Изумрудную Бухту после развода родителей, но родом была из Стерлинг Фолс и всегда говорила, что хочет вернуться в этот город. Думаю, ее отец все еще живет где-то здесь, хотя я с ним не встречалась и не знаю, видела ли она его больше нескольких раз за последний год, а их отношения нельзя назвать хорошими. После средней школы она сразу поступила в СФУ, а мне пришлось посещать занятия в местном колледже и устроиться на работу. Из-за того что я поздно пошла в детский сад, я была на год старше своих одноклассников в средней школе, и общественный колледж должен был стать для меня лучшим выходом, пока я не получила стипендию. Ее получение мы праздновали вместе с Марли. Несмотря на то, что она уже решила жить в кампусе со своей соседкой по комнате с первого курса, Марли пообещала, что мы обязательно найдем совместное жилье в следующем году. Мир возможностей, открывавшийся мне с получением стипендии, казался в равной мере пугающим и захватывающим. Но за одну-единственную ночь у меня из-под ног выбили почву.

Декабрь уже на носу, и, если я уеду отсюда, не погасив свой долг, Кронос использует Марли и моих родителей как рычаг давления на меня. Да, черт возьми, он может даже их убить. Моя решительность растет, и я понимаю, что единственный выход из этой ситуации – украсть эту чертову маску.

– Теперь, когда я знаю, чего ожидать, я хочу туда вернуться. Если, конечно, ты сама хочешь еще раз туда сходить.

Я понимаю, что в том, что происходит в наших отношениях с Марли, есть моя вина – я была дерьмовый подружкой, хотя всегда знала об этом. Я пришла учиться в ее колледж и сразу же превратилась в маленького испуганного отшельника, а у Марли уже была своя жизнь. Несмотря на то, что мы были лучшими подругами, здесь у нее были другие друзья. И я еще никогда так ясно не ощущала, что мы находимся на разных игровых полях, по крайней мере, в социальном плане.

– Ладно, не переживай, все в порядке, – говорю я ей.

И это действительно так, ведь последние полторы недели я набиралась смелости, чтобы хотя бы подумать об этом. Сегодня четверг, и отведенное мне время на то, чтобы украсть маску, неуловимо истекает. Я до сих пор не придумала, как собираюсь это сделать, но хотя бы определилась с «когда». Я решила, что сделаю это во время боя или после того, как он ее снимет. Я могла бы проследить за ним и посмотреть, куда он кладет маску, а потом выбрать время, просто подбежать и схватить ее.

Звучит относительно просто.

– Некоторые из ребят планировали туда сходить, так что ты можешь просто пойти с нами, в компании будет веселее.

Я пытаюсь улыбнуться, но в глубине души нервничаю. Не думаю, что я очень понравилась ее друзьям. Возможно, причина этого – мой статус отшельника, или я просто кажусь им пугающей. Ведь наша первая встреча была просто катастрофической... Пролитый напиток, случайное оскорбление. Они вели себя так, будто я убила их кошку.

– Потрясающе, спасибо! И на этот раз я сама куплю себе билет.

Думаю, я смогу наскрести на него денег, потому что мысль о том, что она снова попытается заплатить за меня, мне не нравится.

После ужина я возвращаюсь к себе домой и на полпути начинаю чувствовать, будто кто-то наблюдает за мной. Волосы на затылке встают дыбом, и я оглядываюсь через плечо.

Веди себя естественно.

Не доходя примерно половину квартала до дома, я вижу лысого мужчину в черной кожаной куртке, в которой очень легко спрятать оружие. Он кажется таким опасным, будто от него стоит держаться подальше или лучше вообще убежать. Скорее всего, это игра моего воображения, но я не могу избавиться от беспокойства, даже если это кажется просто совпадением, поэтому делаю несколько ненужных поворотов, чтобы проверить, не следует ли он за мной.

Скоро я обнаруживаю, что улица позади меня пуста, и выдыхаю с облегчением. Но когда я подхожу к своему многоквартирному дому и, поднявшись на крыльцо, вставляю ключ в замок, этот же мужчина появляется, кажется, прямо из воздуха. Я мельком замечаю его краем глаза, но уже слишком поздно – он хватается за запястье и резко выкручивает его так, что я роняю ключи. Другой рукой он берет меня за волосы. Я визжу и пинаю его, пытаюсь освободиться, но его безучастное выражение лица совершенно не меняется. Он даже не вздрагивает, когда я бью его в колено, а просто толкает меня лицом к двери. Когда моя щека ударяется о стекло, его хватка на волосах усиливается, и он запрокидывает мою голову назад. Глаза наполняются слезами, когда голову пронзает резкая боль.

– Время уходит, девочка-невидимка, – он наклоняется ко мне, и я чувствую его смрадное дыхание, пропитанное чесноком и сигаретным дымом. – У тебя осталось шесть дней.

Я пытаюсь пристально посмотреть на него хотя бы одним глазом, потому что половина моего лица впечатана в стеклянную панель двери. Он никак не реагирует, просто скользит взглядом по моему телу. Эффект, которого я хотела добиться, теряется.

– Кронос передает тебе привет.

Когда он отпускает меня и уходит, засунув руки в карманы, я отталкиваюсь от двери, тяжело дыша, и борюсь с дрожью, которая охватывает все мое тело. *Они хотят, чтобы я боялась.* Страх должен быть моим стимулом выплатить долг, который становится все больше, а мой небольшой запас наличных истекает.

Я достаю ключи и спешу отпереть дверь квартиры. Встав в коридоре, я оглядываю полупустое помещение. Наверное, я могла бы сделать его более домашним, и мне должно быть стыдно за такое малое количество вещей, но мне вполне хватает подержанного дивана, приставного столика, лампы в гостиной и матраса на полу в спальне. На кухне достаточно посуды для одного, может, для двух человек (если я смогу купить продукты на двоих).

Но это... грустно.

Я ненавижу это место. У меня возникает желание разбить эту чертову лампу и обрушить на это здание весь свой гнев. Но мой банковский счет не может себе этого позволить. Прямо сейчас на нем лежат скудные остатки кредита, к которым я не хочу прикасаться. Ведь каждый пенни, который я трачу на еду или электричество, увеличивает мой долг Кроносу. Так что я не могу заниматься разбоем и уничтожать вещи в своей квартире. Вместо этого я могу сделать кое-что еще... Вернуться в «Олимп». По идее сегодня там ничего не происходит, и он должен быть пуст. Если кто-то застанет меня там, то я могу соврать, что две недели назад потеряла в этом месте какую-то вещь.

Отличная идея.

Отправив сообщение Марли с просьбой одолжить ее машину, я проверяю свой шкаф в поисках самого неприметного наряда. Черная толстовка с капюшоном и брюки кричали бы о том, что я воровка, поэтому я надеваю джинсовые шорты и белую блузку. Благо, погода за окном остается стабильно теплой, так же, как у меня дома. Девять месяцев в году погода стоит отличная, а три месяца или, если повезет, два – беспокойная.

К тому времени, когда я забираю машину Марли, мои нервы уже на пределе. Она опаздывает на занятия, поэтому безо всяких вопросов и церемоний чмокает меня в щеку и кладет ключи от машины мне на ладонь. По дороге я обдумываю, как украсть маску Аида, потому что на самом деле это мой последний шанс. Если, конечно, я не хочу устроить слезку за этим

мужчиной, чтобы выяснить, куда он девает маску, когда не строит из себя властелина подземного мира. Иначе я столкнусь с другим клеймом на своем запястье.

Подумав об этом, я вздрагиваю. *Нет уж, спасибо.* Что-то подсказывает мне, что между стычкой с Кроносом и встречей с Аидом стоит выбрать Аида, потому что, похоже, Кронос из тех мужчин, которым нравится отщипывать плоть у ничего не подозревающих людей. Таких, как я, наивных и глупых.

Выехав на длинную подъездную дорожку, ведущую к «Олимпу», я останавливаю машину. На этот раз я замечаю детали, которые упустила в предыдущие два визита, а именно скалы за гигантским мраморным зданием. При дневном свете я отчетливо вижу обрыв с простирающимся внизу океаном, хотя сейчас это не кажется таким волшебным. Это место все больше напоминает мне Древнюю Грецию. Как будто из всех мест на земле кто-то выбрал именно это для возрождения храма для трех богов.

Приближаясь к «Олимпу», я чувствую себя очень маленькой. Дрожа, я едва ли не разворачиваю машину, но, взяв себя в руки и игнорируя зарождающуюся тревогу, я паркуюсь и выхожу. Я направляюсь к скалам, которые почему-то привлекают мое внимание больше, чем «Олимп». Я не впервые поднимаюсь по ним, и, когда воспоминания начинают мелькать перед глазами, как вспышки фотоаппарата, мне приходится бороться с желанием сбежать отсюда.

Я дохожу до места, где заметила трех богов в прошлый раз и остановилась, сняв туфли. Здесь был ранен тот мужчина. Избегая этого участка, я продолжаю подниматься на холм и добираюсь до ровной площадки на его вершине. Я подхожу почти к краю обрыва высотой в двадцать – тридцать футов³ и смотрю вниз, вытягивая шею так далеко, как только осмеливаюсь. Подо мной простирается океан. Его волны гипнотизируют меня, разбиваясь о грубые камни с шумом, похожим на раскаты грома. Всего в двух милях⁴ к северу отсюда начинается длинная полоса пляжей, а на юге расположены леса. Стерлинг Фолс находится будто в собственном маленьком пузыре, окруженный деревьями и водой со всех сторон.

Внезапный порыв ветра отбрасывает меня почти на несколько футов назад, и в мое сердце пробираются шупальца страха. Последнее, что мне нужно, – это упасть в воду, потому что до ближайшего берега он как далеко. В прошлый раз они легко могли бы привести меня сюда, столкнуть вниз и вернуться к своей жизни.

– Вы напрасно тратите время, – слышу я позади себя женский голос.

Обернувшись, я вижу, что примерно в десяти футах⁵ от меня, скрестив руки на животе, стоит девушка. Темные волосы развеваются вокруг ее угловатого лица. Она похожа на мою ровесницу, возможно, немного старше. Она хмурится, глядя на меня.

– Простите, что? – Я подхожу к ней ближе, отойдя от края обрыва.

– Их здесь нет.

Я снова оглядываюсь на «Олимп», гадая, что правильнее называть «Олимпом» – само мероприятие или место его проведения? Я так этого и не узнала.

– Парней, – нетерпеливо отвечает девушка. – Если ты прыгнешь, это будет напрасно, никто тебя не увидит.

– Кроме вас? – замечаю я, и она улыбается.

– Да, но я не собираюсь прыгать за тобой.

– Я не думала прыгать, – говорю я, засовывая руки в карманы.

– Ты что, дурачишь меня?

– Конечно, я не стала бы прыгать для того, чтобы привлечь внимание «парней», кем бы они ни были.

³ Около 6–9 м.

⁴ Примерно 3,2 км.

⁵ Около 3 м.

Кем бы они ни были, когда не притворяются богами.

Я не могу не задаться вопросом, скольким отчаявшимся девушкам она помешала броситься с обрыва и сколько раз она смотрела сложа руки на то, как они умоляют о внимании.

– М-м-м... Ну если ты здесь не для того, чтобы за что-то расплатиться, и не для того, чтобы посмотреть, спасут ли они тебя из воды, тогда зачем ты здесь?

– Мне было любопытно, я хотела осмотреть это место до завтрашнего вечера.

Полуправда, но я останавливаюсь перед ней и поднимаю подбородок, желая, чтобы она мне поверила.

Ее губы на мгновение складываются в тонкую линию, а затем ее лицо снова разглаживается, и она понимающе кивает.

– Прежде чем очарование этим местом овладеет тобой?

– Вот именно.

Она жестом приглашает меня пройти с ней, но я не могу понять, откуда она взялась, ведь на обширной лужайке нет другой машины, кроме моей. И зачем она вообще сюда пришла? Если только не беспокоилась о прыгающих с обрыва.

– Ночь боев всегда пробуждает в людях кровожадность, которая лишь подогревается тем, что они носят маски. В этом нет ничего магического, но парни усердно создают в головах у людей эту иллюзию. В некотором смысле маски позволяют жителям Стерлинг Фолс быть самими собой.

Я ловлю себя на том, что киваю в такт ее словам, представляя, как это происходит. Конечно, людям нравится, что за этим не стоит никаких последствий, и они соблюдают полную анонимность. Хотя все это может привести либо к ощущению свободы, либо к безрассудству.

– Вы посещаете эти мероприятия?

Она улыбается, но ее улыбка больше похожа на оскал.

– Иногда, но только если мне выпадает возможность бороться, потому что мне не нравится просто наблюдать.

Я снова смотрю на нее, но на этот раз оценивающим взглядом. Эта девушка выше меня и стройнее, в ней действительно проглядывается определенная беспощадность, так что я легко представить ее на ринге избивающей кого-то вдвое крупнее себя.

– А завтра ты будешь сражаться? – спрашиваю я.

– Да, как и Аид. Наконец-то настоящее удовольствие.

Мы проходим мимо входа в «Олимп», одна из массивных дверей которого приоткрыта, но, думаю, мне не удастся заглянуть внутрь.

– Он что, главная достопримечательность «Олимпа»?

– Ох, – она пристально смотрит на меня, а потом смеется. – Мне нравится твоя наивность. Ты была здесь в ночь последнего боя, верно? – она фыркает, глядя на выражение моего лица. – Ой, не смотри на меня так, я всегда могу узнать нового наркомана. Что ж, ожидай завтра удвоение толпы. Я уверена, что уже поползли слухи о том, что Аид решил вступить в бой. Все просто жаждут увидеть его без маски.

– Он не сражается в ней?

Хотя, если другие бойцы надевали обычные черные маски, то почему Аид должен выглядеть как-то по-другому?

Спрашивая это, я думаю о том, что продолжать прикидываться дурочкой не такой уж и плохой план.

– Нет, маска находится в целости и сохранности в его комнате и дожидается окончания боя, – женщина закатывает глаза. – Не поддавайся на эти уловки, хорошо? Ты мне кажешься порядочным человеком.

– Не волнуйся, – усмехаюсь я. – Я вообще сомневаюсь, что задержусь в Стерлинг Фолс до следующего боя.

Я все еще цепляюсь за надежду, что добьюсь успеха и смогу погасить свой долг и уехать из этого проклятого города.

– Ты не останешься? – девушка прищуривает глаза.

– Я не знаю. Я пока еще не приняла решение, я просто здесь учусь.

– Стерлинг Фолс не похож ни на один другой город.

В этом я не могу не согласиться с ней.

– Да, он хорош, – я заставляю себя пожать плечами. – Но, к сожалению, я не могу контролировать некоторые вещи в своей жизни.

Все зависит от завтрашнего вечера. Если у меня все получится, я могу соврать родителям, что мне не понравилась учеба в СФУ и переехать обратно в свою комнату в их доме. Я найду себе работу в Изумрудной Бухте и буду жить дальше, хотя моя жизнь станет немного мрачнее. Потому что, даже если мне удастся погасить свой долг перед Титанами, я не знаю, захочу ли я остаться здесь и посещать занятия. Конечно, я могла бы повторно обратиться за финансовой помощью в виде стипендии следующей осенью и начать все сначала, но это такая огромная головная боль, что я не хочу об этом думать.

– Ты кажешься немного взвинченной, – она приподнимает бровь, молчаливо провоцируя меня не согласиться с ее словами.

Но я не могу этого сделать, ведь я и правда взвинчена.

Мы останавливаемся у машины Марли, и девушка поворачивается ко мне лицом. Наверное, это тонкий намек на то, что мне пора уходить, но я ценю ее доброту и протягиваю руку.

– Спасибо тебе за... за этот разговор.

Она пожимает мою руку и одаривает меня еще одной широкой улыбкой.

– Если тебе когда-нибудь захочется с кем-нибудь поговорить, просто спроси Артемиду. До скорой встречи.

Я киваю, не утруждая себя тем, чтобы уточнить, кого я могу спросить о ней. Полагаю, что я скоро это выясню. Ее имя – это имя еще одной греческой богини, и если бы я не была знакома с этим городом, то подумала бы, что это совпадение, но у нее должна быть какая-то связь с мужчинами «Олимпа».

Я завожу машину Марли, глядя, как Артемиды широкими шагами направляется обратно к мраморному зданию. Мгновение я наблюдаю за ней, а затем понимаю, что, даже если сегодня я не смогла зайти внутрь, она дала мне ценную информацию. Аид сражается, и, когда он это делает, он снимает свою маску, чтобы надеть такую же, какую носят избранные. Все, что мне нужно, – это найти его комнату и не попасться. Я посмеиваюсь про себя, хотя бы для того, чтобы не расплакаться. Я никогда в жизни ничего не крадала – и вот пытаюсь разыгрывать из себя криминального гения.

Но что-то подсказывает мне, что все пройдет отнюдь не гладко... совсем.

Глава 4

Кора

Нервничая весь день, я не могла усидеть на месте. Поэтому в моей квартире вы не найдете ни пятнышка. Я отговаривала себя от поездки в «Олимп» больше раз, чем могу сосчитать, но все-таки надела ту маску с цветочками и кружевами и решилась выйти. Когда я садилась в машину к Марли, мне пришлось тесниться с двумя ее подругами, имен которых я не знаю, на заднем сиденье, потому что переднее уже было занято Джанет. Я понимаю, что не принадлежу к этой группе ее друзей, поэтому мне неинтересно знать их имена. Соответственно, я их даже не спрашиваю, хотя подозреваю, что должна бы.

– Так мило с твоей стороны было пойти с Ли, ведь мы были заняты ночью прошлого боя, – говорит мне Джанет.

Другими словами: Марли никогда бы не взяла меня с собой, если бы ее друзья не были заняты. Марли смотрит на меня в зеркало заднего вида, и я заставляю себя улыбнуться ей, ведь она попросила вести себя хорошо. Скорее всего, она просила о том же самом и подруг, но этот маленький подкол перешел все границы. На лице Джанет надета красная маска с рубинами, закрывающая ее лоб и скулы, а ее губы накрашены алой помадой в тон драгоценным камням. Эта красная маска напоминает мне об Аресе.

– Немезида, – говорит она, когда ловит мой пристальный взгляд.

– Извини? – я наклоняю голову.

– Ой, прости, разве ты не знала? Маски и костюмы, в которых люди приходят в «Олимп», подбираются в честь греческих богов. Хотя, конечно, есть и такие маски, которые запрещены, – она постукивает себя по подбородку. – А что означает твоя?

Я пожимаю плечами. Джанет определенно нравится выводить меня из себя. У меня возникает непреодолимое желание ее ударить, но это не вписывается в мое обещание вести себя хорошо. К тому же я не люблю насилие, поэтому отвечаю сквозь зубы:

– Без понятия.

Джанет разворачивается на сиденье, и я рада, что мы уже почти на месте. Нам осталось подняться на холм, где нас ждет «Олимп». В этот раз мы паркуемся немного дальше, потому что, кажется, запоздали с прибытием. У двери уже выстроилась длинная очередь.

– А что означает твоя? – спрашиваю я шепотом у Марли по пути в конец очереди.

– Афродита, – отвечает она, убирая ключи в свой маленький клатч. – Легенда гласит, что она родилась в море и добралась до берега в раковине.

Интересно. Я рада, что маска и темнота скрывают мои пылающие щеки. Марли могла бы предупредить меня о том, что все маски были подобраны в честь греческих богов или богинь.

– Джанет нравится Немезида, потому что она олицетворяет праведный гнев, – лучшая подруга берет меня под руку. – Она пойдет на что угодно, лишь бы ее гнев был оправдан. Верно же?

– Верно, – усмехаюсь я.

– Если ты приглядишься, то заметишь много масок в честь одних и тех же богов. Некоторые делают смелый выбор и одевают маски в честь Зевса или Посейдона. Когда я вижу их, то думаю, не пытаются ли эти люди привлечь внимание Аида другим способом, помимо борьбы.

– Давай, Ли, – Джанет зовет нас встать в очередь перед ней.

Ее маска отлично подходит к ее красному облегающему платью.

– Не могу поверить, что ты позволяешь им так себя называть, – морщусь я нос.

– Это произошло прежде, чем я смогла это остановить, – фыркает Марли. – Но меня это не смущает, и, кстати, ты сегодня хорошо выглядишь.

– В моем платье таинственной богини?

Я опускаю взгляд на то же самое платье, в котором я была в прошлый раз. У меня нет других платьев, кроме этого и плохо сидящего на мне черного, но я ни за что на свете не собиралась надевать его и рисковать тем, что Аид меня *узнает*. Особенно после того, что он сказал про то платье. Сегодня я изменила прическу, и теперь завитые локоны волнами падают мне на плечи. На этом мои попытки отличиться закончились. Я еще думала о том, чтобы сменить свое кольцо в носу на что-нибудь другое, но решила этого не делать.

– А где ты купила это? – спрашиваю я Марли, похлопывая себя по маске.

– Я купила ее вместе со своей. Она выглядит невинной и очень тебе подходит.

– Я не невинна, – толкаю я ее локтем.

– Да, это правда, но иногда мне кажется, что ты слишком невинна, – Марли останавливается и берет мои руки в свои. – Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, Кора. С тех пор как ты приехала в Стерлинг Фолс, наши отношения изменились, и мне жаль, если я заставила тебя почувствовать себя на обочине.

Я быстро моргаю, чтобы не обронить слезы, которые жгут мне глаза.

– Я... спасибо за то, что тебе не все равно. Для меня это очень много значит. Я была... я не знаю, как это объяснить, но я обещаю, что мы вернемся к нашей привычной жизни.

Очередь движется настолько быстро, что мы уже подходим к двери, и мужчина в маске ворона протягивает нам руку, ожидая платы за вход. Но, глядя на меня, он моргает, а его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу.

– Она тебе не услада для глаз, – говорит Марли, хмуро глядя на него.

– Нет, – он улыбается и наклоняется к ней. – Она определенно не моя услада.

Взгляд Марли не смягчается, и она чопорно протягивает мужчине наличные за вход. Он берет их, проводя пальцем по ее запястью, и она ахает, быстро отстраняясь. От удивления я приподнимаю брови, и мой взгляд мечется между ними, пока мужчина, не сводя с Марли глаз, машет рукой, чтобы она проходила.

Ты опоздала.

В моей голове раздается мужской голос, но, игнорируя его, я пытаюсь сделать то же самое, что и Марли: быстро заплатить и покончить с этим. Однако мужчина в маске ворона не протягивает ко мне руку.

– Я не приму твоих денег.

– Почему?

В прошлый раз вход для меня был бесплатным, но я подумала, что это одноразовая акция.

– В чем задержка? – спрашивает нас Джанет, стоящая за моей спиной. – Кора, у тебя не хватает наличных?

Я смотрю на маску ворона на лице охранника, которая кажется мне довольно своеобразной. Пурпурно-черные перышки вокруг его глаз такие крошечные, все детали идеальны. Когда мужчина выпрямляется, кажется, что перья сливаются с его черными волосами и колышутся на ветру, а блестящий черный клюв вытягивается вперед, загибаясь книзу и сужаясь в острый кончик.

Это не может быть просто обычной маской.

– Проходи, – говорит он, кивнув головой в сторону двери.

Я складываю купюру, которую протягивала ему, и засовываю в бюстгальтер, надеясь, что он не сможет рассмотреть мой взгляд сквозь кружево и цветы моей маски. Трудно выглядеть крутой или смелой, когда ты вся в цветах.

Игнорируя собственные мысли и шум за спиной, я проскакиваю мимо него и через несколько минут нахожу Марли, стоящую рядом с лестницей.

Как и предсказывала Артемида, сегодня «Олимп» переполнен, и с каждой минутой людей в нем все больше. Марли подпрыгивает на месте от возбуждения, на ее лице сияет широкая улыбка. Маска Афродиты из ракушек отлично сочетается с ее нежно-голубым платьем. Мы с ней выглядим как две белые вороны в море темных тонов.

К сожалению, Джанет и две ее подружки находят нас слишком рано. Подходя ко мне, она сразу начинает тыкать меня в плечо.

– Что, черт возьми, это было?

– Ты о чем? – я отшатываюсь назад.

– Почему он впустил тебя бесплатно? – требует она ответа. – Они никогда так не делают.

Я скрещиваю руки на груди в шоке от ее грубости.

– Возможно, они не делают так для тебя?

И твоего высокомерного отношения.

– Они делают так время от времени, – говорит Марли, смотря на Джанет. – Джанет, почему тебя это так волнует? Не похоже, что у тебя нет денег на вход, ведь трастовый фонд твоего папы покрывает все твои развлечения.

А мои мысли о том, что у меня нет даже пары лишних центов на еду, остались невысказанными.

– Ты слышала, что сегодня сражается Аид? – одна из подруг Джанет подталкивает ее локтем.

Возможно, ее зовут Эрика, но, честно говоря, я не могу точно вспомнить.

– Сегодня будет отличный вечер.

Марли достает из клатча свою маленькую фляжку, и, к моему удивлению, три другие девушки повторяют за ней. Думаю, здесь не очень-то следят за безопасностью, раз такое возможно. Или всем просто насрать, ведь и сами мероприятия в «Олимпе» не совсем легальны.

Достаточно скоро мне кажется, что огромный атриум больше не может вместить в себя людей. Нас с Марли окружают одни незнакомцы, которые кажутся чем-то обеспокоенными или возбужденными. Когда я делаю глубокий вдох, я будто вдыхаю едва уловимый запах пота и предвкушения чего-то масштабного.

Наружные двери с грохотом закрываются, и на ринге вновь появляется Аполлон. Как и в прошлый раз, его грудь обнажена и покрыта узорами из золотой краски, а на его лице маска в виде черепа животного.

– Добро пожаловать в «Олимп», – говорит он. – Сегодня нас ждет особая ночь с особыми бойцами.

Все вокруг издают радостный возглас. Я тоже приоткрыла рот, изображая воодушевление, но с появлением Аполлона в моей груди зародился страх, текущий по венам, будто ледяная вода. Я не могу просто стоять сложа руки и наблюдать за боями, притворяясь, что все в порядке. Я не могу при этом присутствовать. Сегодня я должна сделать то, чего раньше никогда не пробовала.

– Сегодня вечером у нас пройдет пять боев, – объявляет Аполлон. – Между нашими восемью избранными, один из которых сразится с моей дорогой сестрой Артемидой.

У меня отвисает челюсть от удивления, пока толпа продолжает вопить. Даже Марли и ее друзья кричат и хлопают в ладоши, хотя я сомневаюсь, что они знакомы с этой девушкой. Почему, встретив ее, я не додумалась о том, что она сестра Аполлона? Ведь так сказано в мифах.

Они близнецы?

– Один из избранных храбро бросил вызов самому Аиду, – тон Аполлона стал серьезным, а атриум заполнил гул со свистом.

Я удивленно оглядываюсь по сторонам, не веря в то, что Аид так любим этими людьми.

– Согласен, – усмехается он. – Для тех, кто не знает, меня зовут Аполлон, я ваш ведущий на этот вечер. – Он оглядывает атриум, а затем делает широкий жест руками. – Дверь открыта, друзья мои, скоро увидимся.

Вместо трюка двухнедельной давности с исчезновением, на этот раз он подходит к перилам и перепрыгивает через край ринга, приземлившись на мраморный пол гораздо легче, чем я могла бы себе представить, и быстро проходит через темную арку.

– Пойдем, – говорит Марли, сжимая мою руку.

Сначала я думаю отказаться, ведь, в конце концов, я должна быть внизу, чтобы найти комнату Аида, но потом решаю плыть по течению. Я не смогу ничего сделать просто так, с ходу, и готова поспорить, что Аид будет биться последним. Я смогу украсть маску только в момент его сражения.

Как и в прошлый раз, мы поднимаемся на второй этаж и заходим в одну из лож, занимая места у перил. Держа руки прижатыми к бокам, пока нервы, точно змеи, клубятся в моем животе, я оглядываюсь в поисках выхода, просто на случай, если меня и правда стошнит. Через некоторое время Аполлон снова запрыгивает на платформу, толпа начинает давить со всех сторон, и меня охватывает приступ клаустрофобии. Все это время Марли стояла рядом со мной, но Джанет сумела незаметно проскользнуть и встать между нами, сбивая меня с толку. За нами стопилось так много людей, что они заглядывают между телами в поисках хоть какого-нибудь проблеска, надеясь увидеть происходящее на ринге. Обстановка на первом этаже еще хуже: толпа ведет себя грубо и борется за места. Они прижимаются так близко к платформе, что, если бы она не была другой высоты, они практически вывалились бы на нее.

Богатые и обычные люди, пришедшие в «Олимп», оказались в одних и тех же условиях. Мы одинаково прячемся за своими масками, подавляя свой страх. Этой ночью правит жажда крови.

Внезапно я чувствую, как мой локоть обхватывает чья-то рука, оттаскивая меня назад. Пробравшись через давящие тела, я чувствую, что снова могу дышать, но мое место у поручней немедленно занимает кто-то другой, будто толпа – это море, которое поглощает цепочку следов человеческих ног.

Обернувшись, чтобы посмотреть, кто же взял меня за локоть, я отшатываюсь назад. Рядом со мной, улыбаясь, стоит Арес. Единственное, что в нем осталось неизменным, – это его маска и красные глаза. В запоздалом шоке я рассматриваю его новый костюм. На нем расстегнутая белая рубашка с воротом, но она вся в крови – будем надеяться, что в фальшивой. Будто он жестоко убил кого-то, а потом пришел сюда. В тусклом свете рубашка кажется темной, на его груди и животе также есть пятна.

Ну, в этом нет ничего необычного, верно? Однажды я уже видела, как они убивали мужчину, и они вполне могут сделать это снова.

Прежде чем я успеваю себя остановить, я протягиваю руку и дотрагиваюсь до одного из темных пятен на ткани. Я почти ожидаю, что мои пальцы попадут во влажное пятно, но они сухие.

– Я надеялся, что увижу тебя снова, – говорит он, слегка улыбаясь, и я оглядываюсь по сторонам.

– Ты пропустишь представление.

Глаза Ареса блестят, и он наклоняется ко мне до тех пор, пока наши лица не оказываются на одном уровне.

– Нет, не пропущу.

Прикусывая губу, я размышляю о том, что в нем есть такого, что вызывает у меня любопытство? Прямо за моей грудной клеткой поселилось невероятное напряжение и отчаянное желание раскрыть все его секреты. Секреты таинственного Ареса. Конечно, прежде всего мне стоит узнать того, чья маску я намереваюсь своровать. Но эта кража – акт не против Аида, а против их всех. И я хочу знать, что скрывается за этой маской.

– Ты вернулась, чтобы посмотреть на Аида?

– Нет, – я удивленно наклоняю голову. – Это все, о чем ты хотел меня спросить?

Арес выпрямляется во весь рост, и я понимаю, что он выше меня, но его рост меня не пугает. Даже несмотря на то, что в моей памяти еще свежи воспоминания о его руках на моих плечах, а в ушах периодически звучит тот вой, я все равно не боюсь. Просто мне следует быть осторожнее и остерегаться симпатичных мужчин в масках с недобрыми намерениями. Арес – бог войны и кровожадной ярости – берет меня за руку, не спрашивая разрешения, и притягивает к себе.

– Пойдем со мной, маленький цветочек, – его губы касаются моего уха. – Твои друзья даже не заметили твоего исчезновения, и разве в прошлый раз тебе не было веселее со мной, чем с ними?

От его соблазнительно хриплого низкого голоса по рукам бегут мурашки, и я ловлю себя на том, что подхожу к нему еще ближе.

Маска.

– Я хочу увидеть больше, – мои щеки немедленно вспыхивают от заинтересованного выражения его лица. – Больше этого места, я имею в виду.

– Конечно, – ухмыляется он и перекладывает мою ладонь на сгиб своей руки.

Когда мы проходим мимо, люди отступают с нашей дороги. На самом деле им наплевать на меня, но не на него.

Арес не ведет меня вниз, как я себе представляла. Вместо этого мы проходим мимо раздвоенной лестницы, которая спускается в атриум, и он приподнимает веревку, которая преграждает вход в другой зал. Я прохожу вслед за ним, и мы словно оказываемся на запретной стороне. Мое тело охватывает холод, потому что *это* похоже на точку невозврата. Потому что я позволила увести себя в центр «Олимпа».

Мы вдали от толпы, и, в отличие от его почти бесшумных шагов, каблуки моих туфель громко стучат по мраморному полу. Мы проходим мимо закрытых дверей, но Арес не делает ни малейшей попытки объяснить или рассказать мне, где мы находимся.

Мы подходим к другой, более скромной лестнице, которая изгибается и исчезает из виду наверху. Но прежде чем мы ступаем на нее, Арес отводит меня в сторону и прижимает к стене. Я знаю, что он хочет поцеловать меня, ведь между нами есть притяжение, которое будто проникает под мою кожу, и происходящее доказывает, что он чувствует то же самое. Его тело прижимается к моему, а лицо находится так близко, что я тут же нахожу миллион причин, почему я должна оттолкнуть его прямо сейчас.

Если бы сейчас я была самой собой, его властные действия напугали бы меня.

Но это происходит даже несмотря на то, что я притворяюсь кем-то другим, ведь я не могу стереть свое прошлое. Все тело напрягается, и у меня возникает ощущение, будто страхи проявляются на моей коже, словно шрамы. Я прижимаю руки к окровавленной рубашке Ареса, пытаюсь оттолкнуть его, и он немедленно убирает свои руки и отступает – недалеко, но достаточно для того, чтобы я снова могла дышать.

– Кто-то причинил тебе боль, мой маленький цветочек? – спрашивает он, пристально глядя на меня своими красными глазами.

– Я не хочу говорить об этом, – я заставляю себя улыбнуться и отодвигаюсь в сторону лестницы.

Арес издает низкий горловой звук в знак протеста.

– Я бы сказала, что это было давно, но...

Шесть месяцев я была вдали от Паркера. *Шесть месяцев* я наслаждалась своей свободой, а потом совершила непростительную ошибку, попытавшись попасть в «Олимп», и Аид заставил меня исчезнуть.

Арес изучающе смотрит на меня, и я расправляю плечи, потому что ход моих мыслей меня пугает. Я не могу раскрыть ему все свои карты. На самом деле мне лучше вообще ему ничего не рассказывать.

– Сегодня вечером я не та девушка, разве не в этом привлекательность этого места? Быть кем-то другим?

Арес осторожно кивает и снова предлагает мне свою руку, которую я с радостью принимаю, потому что, кажется, мне начинает нравиться прикасаться к нему.

Он ведет меня вниз по лестнице, и мраморные стены коридоров из светло-золотистых переходят в серебристые с угольными прожилками. Время от времени мы проходим мимо темных ниш, в которых я замечаю какое-то движение. По сторонам коридора на уровне глаз стоят почерневшие канделябры с зажженными свечами. Свечи отбрасывают тени и мерцающие отблески на стены и пол, еще немного освещения добавляют бра, висящие на стене.

Я вдыхаю запах специй, который уже чувствовала, когда пришла сюда в первый раз. Мои нервы на пределе, и чертовы каблук стучат по мрамору все громче при каждом шаге.

Конечно, меня не должно это раздражать, ведь мы не крадемся тайком, но в итоге мне придется красться, и я должна была спланировать предстоящую кражу.

– Куда мы направляемся?

Несмотря на то что я спросила это тихим голосом, мне показалось, что он настолько громкий, что долетает до конца коридора. Я пытаюсь взять себя в руки, когда вижу луну в одной из длинных, узких оконных рам, которые высечены в мраморе с одной стороны зала.

Я поднимаю свой взгляд на сопровождающего меня мужчину, так как не слышу ответа на свой вопрос, но его лицо находится в тени.

– Арес?

Кому я решила довериться в этой темноте?

– Куда...

Я понимаю, что его пристальный взгляд прикован к моему лицу.

– Ты не любишь сюрпризы, – заявляет он, и я морщусь.

Неудивительно, что он улыбается. Он переключается между богом войны и улыбающимся парнем слишком быстро, чтобы я могла за этим уследить, это раздражает меня и выбивает из колеи. Я не должна доверять ему или чувствовать себя рядом с ним спокойно. Я должна быть настороже, быть такой же твердой, как маска на моем лице.

– Хочешь знать, почему я выделил тебя из толпы? – его голос такой низкий, кажется, будто он рассказчик, очаровывающий свою аудиторию. – Из-за отчаяния в твоих глазах, которое я увидел в прошлый раз.

Я вздрагиваю.

– Знаю, – продолжает он. – Считается, что маски скрывают все эмоции, но разве ты не видишь, что они, наоборот, заставляют людей показать свое истинное лицо? Я не осуждаю твое отчаяние, по какой бы причине оно ни возникло. Остальные жаждут того, чего у них нет – либо воли к борьбе, либо мужества, либо экстравагантности «Олимпа», и каждое чертово желание завораживает меня. Я вижу все, что происходит, и принимаю это. Это истинная плата за вход, и оно ценится больше, чем наличные, которые мы собираем.

Черт.

Когда мы останавливаемся в одной из ниш, Арес отпускает мою руку и поворачивается ко мне лицом.

– Ты знаешь, насколько ты очаровательна, таинственная незнакомка? – он поднимает руку и проводит пальцами по моей щеке.

– Я не такая, – усмехаюсь я.

Пальцы Ареса скользят по моей коже, и, когда он проводит вверх по моей руке, кажется, что он так близко от меня, но в то же время так далеко.

– Я хочу прикоснуться к тебе.

После недолгой внутренней борьбы мой мозг проигрывает сердцу, и я бросаю ему вызов:

– Тогда сделай это.

Взгляд Ареса настолько пристальный, словно он пытается заглянуть сквозь мою маску, и я чувствую пьянящую смесь бесстыдства и страха разоблачения. Я понимаю, что красные глаза Ареса всего лишь часть его костюма, но внимание мужчины полностью сосредоточено на мне, а я настолько долго была девушкой-невидимкой, что почти начала привыкать к этому. Я чувствовала, что моя личность будто раздавлена под их ботинками. Использую ли я это прямо сейчас, чтобы подобраться ближе к маске Аида?

Мне нужна эта маска. Но, что бы ни случилось дальше, Арес не позволит мне просто выйти с ней за дверь. Это задача, которую я не смогу решить простым флиртом. И хотя, закрывая глаза, я представляю свирепый взгляд Аида, когда он срывает маску с моего лица, я не думаю, что Арес сделает то же самое.

Как он сказал, маски заставляют людей показать свое истинное лицо.

Меня охватывает беспокойство, а затем его губы касаются моих, причем так мягко, с такой нерешительностью, которую я никак не могу сопоставить с Аресом. Маски должны делать нас смелее, а не более уязвимыми или нежными.

Я удивленно вдыхаю, и дикий запах специй наполняет мой нос.

Арес отступает.

Нет.

Я хватаю его за запястье и кладу его руку себе на шею. От этого контакта по моей коже будто проносятся искры, и я резко втягиваю воздух. Другая моя рука сжимает его рубашку, и я притягиваю Ареса к себе, приподнимаясь на цыпочках. С жаром я припадаю к его губам, и он стонет в ответ, подчиняясь моему желанию и вторгаясь в мое пространство. Я упираюсь спиной в стену, увлекая его за собой. На вкус он как виски, и именно такой вкус я представляю, когда думаю о разрушении.

Арес не убирает руки с моей шеи, но его большой палец потирает мой подбородок, и в груди порхают бабочки. Он продолжает скользить пальцем по моей шее, даже когда отстраняется. Мы тяжело дышим в нескольких дюймах друг от друга, и в этой темноте ко мне начинает медленно возвращаться разум. Я чувствую стыд от того, что на самом деле я нахожусь здесь, чтобы обмануть их, а этот поцелуй сделал ситуацию в сто раз хуже. Мне нужно найти комнату Аида, украсть его маску и убраться к черту из этого города.

Тонкая маска из кружева и цветов – единственное, что скрывает мою личность. Темно-рыжие волосы, как и девушки, с которыми я пришла сюда, не принесут мне пользы, если меня станут искать.

Все это неправильно, меня слишком легко выследить.

Я отодвигаюсь в сторону, и Арес отпускает меня. Но как только я освобождаюсь из его объятий, боль в груди усиливается. *Но почему?* Ведь я видела этого мужчину всего три раза, и он пугает меня больше, чем следовало бы. Почему у меня возникает желание вернуться в его объятия, если это в корне неправильно?

– Сюда, – быстро говорит он, проходя мимо меня, и волшебный миг разрушается.

Я направляюсь вслед за ним по коридору, но мы больше не прикасаемся друг к другу.

Глава 5

Кора

Через открытые двери я мельком вижу бойцов, каждый из которых ожидает начала в отдельной комнате. С противоположной стороны в коридор входит Аполлон, за ним следуют мужчины в масках воронов. Между ними я вижу тело обмякшего бойца, которого они тащат по коридору, подхватив под руки, а его ноги скользят по мрамору.

– Эй, Безумная! – слышу я женский голос и автоматически поворачиваюсь на него, сама не зная почему.

К нам направляется женщина-боец. Ее длинные темные волосы зачесаны назад, часть их заплетена в две косы, обрамляющие лицо, а остальные локоны спадают на спину. На ней спортивный бюстгальтер и шорты коричневого цвета, всего на несколько тонов светлее ее бронзовой кожи, а на шее свободно болтается тканевая темно-коричневая маска.

– Артемида! – приветствую ее я.

Сестра Аполлона. Так странно – я не замечаю их сходства, хотя я никогда не видела его без маски.

– Я так и знала, – улыбается она. – Из-за этих рыжих волос у тебя будут неприятности. Ты не смогла остаться в стороне?

Я пожимаю плечами, хотя она только что подтвердила то, чего я опасалась. Если кто-то захочет меня найти после этого вечера, это будет нетрудно сделать.

– И я уже вижу тебя в бойцовой яме? – присвистывает она. – А ты быстрая.

Я мельком смотрю на Ареса, который увлеченно разговаривает с Аполлоном в дальнем конце коридора, поэтому возвращаю свое внимание к Артемиде. Мне кажется, что в ней бурлит неутомимая энергия, хотя девушка стоит совершенно неподвижно. Я не могу этого объяснить, но я понимаю, что она пытается сдержать свою силу, не тратя ее попусту, потому что собирается высвободить ее в определенный момент.

– Когда ты сражаешься? – спрашиваю я. – И с кем?

– Я могу показать тебе. Хочешь, проведу небольшую экскурсию? Поскольку твой гид, похоже, занят.

– Конечно.

Мы уходим, проскальзывая мимо Ареса и Аполлона, и я замечаю, что рев толпы здесь намного громче, так что, должно быть, мы приближаемся к рингу.

– Аид сейчас здесь, – Артемида указывает на закрытую дверь. – Готовится.

– Что это значит? – спрашиваю я, приподнимая бровь.

– Не знаю. Вероятно, медитирует или занимается чем-то таким же ужасным.

Я смеюсь, потому что, судя по тем эпизодам, когда я встречалась с Аидом, я не могу представить, что это человек, посвятивший себя йоге. Однако есть что-то интригующее в том, чтобы представить, как он выполняет какие-нибудь упражнения на глубокое дыхание.

– Самсон, – внезапно говорит Артемида, указывая на открытую дверь, за которой крупный мужчина с обмотанными бинтами костяшками пальцев колотит боксерскую грушу.

– Он сражается с Аидом, как *Геркулес*.

– Он огромный, – удивляюсь я.

– Ага, – ухмыляется Артемида в ответ.

Мы проходим дальше, и ее шаги замедляются, когда мы приближаемся к открытым двойным дверям в конце коридора. Из них льется свет и слышны крики из главного зала. Но Артемида указывает на последнюю закрытую дверь.

– Никс. Моя противница, – ее голос становится едва слышен. – Когда она дерется, то становится чертовой сукой.

– Ты сможешь ее победить, – толкаю я Артемиду локтем.

Ее подбородок с гордостью поднимается.

– Я знаю, но она стала одной из любимиц публики не из-за своих слабостей.

Выживают только сильнейшие.

– Вот и ты! – Арес останавливается рядом со мной и, сузив свои красные глаза, исподлобья смотрит на Артемиду. – Ты знаешь правила, Тем.

Она корчит ему рожицу, а потом игриво толкает меня локтем.

– Увидимся, Безумная.

Я хмурюсь, но она не объясняет данное прозвище ни мне, ни Аресу, а потом времени на расспросы не остается, потому что мимо нас проходят два бойца во главе с Аполлоном. Арес берет меня за руку – мы снова прикасаемся друг к другу – и ведет меня вслед за ними.

Один из бойцов останавливается, а другой идет на ринг. После того, как Аполлон представляет его публике, за ним выходит второй. Мы входим в главный зал вслед за ними, и за считанные секунды толпа перекрывает нам обратный путь в коридор. Арес отходит в сторону, давая мне возможность лучше разглядеть бойцовский ринг. Ступеньки, по которым поднимаются бойцы, всего в футе⁶ передо мной, но толпа не сжимает меня со всех сторон, и у меня такое чувство, что я должна благодарить за это Ареса.

Подняв глаза, я встречаюсь взглядом с Аполлоном, который рассматривает меня, и по телу разливается нервозность. Его темные глаза скользят по моим губам, по кольцу в носу, а затем снова по маске. Это продолжается несколько мгновений, а потом он объявляет бой и встает рядом с Аресом. Они почти одного роста, хотя маска Аполлона в виде черепа животного с длинными рогами создает иллюзию того, что он выше. К тому же мне кажется, что он более мускулистый. Золотая краска на его коже блестит в свете ламп, как и капельки пота. Я стараюсь не тарашиться на него. Переключая свое внимание на ринг, я заставляю себя наблюдать за боем, потому что во мне развивается паранойя. Меня преследует чувство, будто все вокруг на меня смотрят.

⁶ Около 30 см.

На ринге сражаются двое мужчин, и отсюда я могу видеть вибрацию их кожи и мышц после каждого удара. Когда один из бойцов пропускает сильный удар и кровь брызжет у него изо рта, у меня сбивается дыхание. Он падает на четвереньки и сплевывает кровь, а толпа ликует, сходя с ума. Второй боец прыгает вперед и пинает своего противника, а я заставляю себя держать глаза открытыми, наблюдая за этим варварством. Это своеобразный урок терпения. Мне нужно уметь проглатывать свой ужас. Уметь надевать невидимую маску, скрывающую эмоции, и верить в собственную ложь.

Я оглядываюсь на Ареса и обнаруживаю, что он все это время наблюдает за мной.

– Тебе это противно?

Его вопрос звучит риторически, и я не утруждаю себя ответом.

– Любопытно, – говорит он, напевая что-то себе под нос.

Я же продолжаю страдать, наблюдая сначала за одной битвой, потом за другой.

На четвертый бой выходит Артемида, и люди сходят с ума, когда видят ее. Затем на ринг поднимается Никс, и шум толпы возрастает до оглушительного уровня. Противница Артемиды – полная ее противоположность почти во всех отношениях. В отличие от поджарого тела Артемиды, на котором явно виден рельеф тренированных мышц, Никс более гибкая. Она высокая и худая, а ее иссиня-черные волосы заплетены в косу, которая доходит до середины спины. Под ее сетчатым топом с длинными рукавами виден черный спортивный бюстгальтер, а также татуировки, которые покрывают почти все ее тело, выглядывая из-под черных шорт и рукавов. Это дает ей некоторое преимущество с точки зрения внешности. Ей подходит имя Никс – имя богини ночи. Мне кажется, она могла бы поглотить тьму целиком и даже не заметить этого.

Бойцы кружат друг вокруг друга, пока Артемида не бросается в Никс песком, но та даже не вздрагивает. Она просто кидается вперед и молниеносно атакует. Ну она и быстра. Если я думала, что прошлый бой был скучным, то этот определенно отличается от него. Напряжение нарастает, и на мгновение во всем «Олимпе» воцаряется тишина, которая разрушается после того, как Никс наносит первый удар Артемиде в челюсть. Кто-то дергает меня назад, и я наталкиваюсь на Ареса, который свирепо смотрит по сторонам, ища моего обидчика. Он выглядит настолько взбешенным, что в горле образуется комок.

Тем временем противники на ринге обмениваются ударами и блоками, то прижимаясь друг к другу на несколько мгновений, то отступая. Внезапно Артемида попадает в горло Никс локтем и, не давая ей никакого шанса прийти в себя или передохнуть, наносит несколько ударов прямо в лицо. Никс падает на спину, поднимая руки, чтобы закрыть его, но Артемида издает дикий звук и продолжает наносить удары по рукам противницы. Каким-то непостижимым образом Никс удаётся сбить Артемиду с ног, и она падает навзничь на песок. Миллисекунду Артемида смотрит вверх, а затем вскакивает и, пошатываясь, отходит от противницы. По лицу Никс струится кровь, она сплевывает, а затем улыбается окровавленной улыбкой Артемиде, которая с осторожностью кружит возле нее.

Это слишком ужасно, и я снова украдкой бросаю взгляд на Аполлона и Ареса. Несмотря на то, что на ринге находится сестра Аполлона, оба наблюдают за происходящим с невозмутимыми лицами.

Я осматриваю толпу, и мой взгляд натывается на один из балконов, где стоит Марли. Рядом с ней Джанет, которая что-то шепчет ей на ухо. Две другие девушки хлопают и подбадривают бойцов, стоя у перил.

Я делаю шаг назад, потом еще один. Арес, видимо, не замечает этого, а если и замечает, то ему все равно. Кто-нибудь обязательно займет мое место, потому что сейчас идет первый из двух боев, которые никто не хочет пропустить, а мне нужно снова стать невидимой. Всего на мгновение.

Прижимая руку к груди, я смотрю на затылок человека, который стоит прямо передо мной. Я сосредоточиваюсь на дыхании. Пять секунд на вдох, одну на задержку, четыре на

выдох. Это ни в коем случае не надежная система для успокоения, но периодически она работает. Ведь опасность того, что я собираюсь сделать, все еще висит надо мной, как гильотина. Вокруг меня что-то происходит, и люди начинают подпрыгивать, а я борюсь с очередным желанием заткнуть уши и уйти подальше. Делая несколько шагов назад, я натываюсь на нескольких человек и вижу, как Аполлон запрыгивает на платформу и поднимает в воздух татуированную руку. Руку Никс.

Дело дрянь.

Не позволяя никому дотрагиваться до Артемиды, Аполлон уносит ее с ринга на руках. Никс выходит вслед за ними, а я оказываюсь зажатой между людьми. Толпа остается стоять в предвкушении, ожидая, когда Аполлон вернется.

– Достойные противники! – говорит он. – Никс – одна из наших лучших бойцов, и она радуется нас своим шоу каждый раз, когда участвует в боях. Но сейчас нас ждет главное событие вечера. Вы готовы? – Толпа ревет в знак одобрения и топает ногами.

– Тогда давайте продолжим! – кричит Аполлон. – Представляю вам избранного, который достаточно безумен, чтобы осмелиться сразиться с самим правителем – *Геркулес!*

Я недоверчиво фыркаю, но затем на ринг, пригнувшись, чтобы не удариться головой о дверной косяк, выходит мужчина, которого я видела ранее бьющим боксерскую грушу. Даже в таком пространстве он кажется чудовищных размеров, и вовсе не Геркулес, а одним из монстров, с которыми герою легенд пришлось сражаться. И еще я почти уверена, что Геркулес – персонаж римской мифологии, но, кажется, это никого не волнует.

– А теперь я представляю вам легенду, – продолжает Аполлон, и толпа немедленно замолкает. – Родившуюся прямо здесь, в Стерлинг Фолс. Несмотря ни на что, он выжил, и теперь он тут, чтобы сразиться для вас, жалкие людишки, – Аполлон улыбается, смягчая свое оскорбление. – Наши сотрудники уже проинформировали вас, что делать ставки на Аида запрещено, потому что ублюдок из этого города никогда не проигрывает, но кто знает, может быть, Геркулесу повезет.

У этой толпы явно есть любимчик.

Прежде чем я успеваю хотя бы моргнуть, в атриуме гаснет свет. Ничего не видя, я чувствую, как люди толкают друг друга, и ощущаю себя некомфортно в темноте. Пытаясь вслепую отойти назад, я ощупываю пространство за своей спиной, пока не касаюсь прохладного мрамора. Здесь и раньше были тусклое освещение и мрачная атмосфера, но они словно хотят показать нам, насколько мы будем чувствовать себя потерянными без света. Внезапно вспыхивает один-единственный прожектор, озаряя боевой ринг.

И вот он стоит там, словно иллюзия, созданная для того, чтобы запутать наши умы, как трюк Аполлона с дымом. По моему телу пробегают мурашки, и я знаю, что я не единственная, кто так реагирует.

Аид движется по рингу, но на его лице нет тканевой маски – всего лишь искусно нарисованный прямо на коже череп. Узоры черной краской начинаются под его челюстью и тянутся вниз по шее. Они выполнены в том же стиле, что и узоры Ареса и Аполлона. Верх его тела обнажен, а на бедрах низко сидят черные джоггеры. Я не могу перестать смотреть на рельеф его мышц, широкие плечи и узкие бедра, которые создают эффект буквы V, исчезающей за поясом брюк.

Я слатаываю.

Походка Аида похожа на движения животного, а его взгляд – это взгляд хищника. Геркулес намного крупнее Аида, но Аид кажется более ловким и проворным.

Аполлон больше ничего не говорит и не произносит никаких объявлений, он просто отходит в сторону с Аресом, а я почти забываю, что я здесь для того, чтобы украсть маску.

Это мгновение моей удачи. Мне нужно выбраться отсюда, пока все отвлеклись. Оглядываясь по сторонам, я замечаю Артемиду, которая стоит, прислонившись к стене, с пакетом льда

у лица. Раз она держится на своих ногах, это уже что-то значит, верно? Да, Никс одержала сегодня победу, такое случается, но здесь нет ничего непоправимого.

Подсовывая палец под кожаный браслет, я непроизвольно сжимаю клеймо, и меня переполняет отвращение к собственному телу. Я быстро отбрасываю все мысли прочь, проскальзывая к двери, а затем выходя в коридор.

– Эй! – окликает меня мужской голос.

От неожиданности я подпрыгиваю.

– Ты пропустишь бой, – подходит ко мне один из прежних бойцов.

– Я уйду по поручению Ареса, – я заставляю себя нахмуриться. – Ты же знаешь, каким он бывает.

– Облом, – смеется мужчина. – Поторопись. Аиду нравится немного поиграть с ними, а ты можешь пропустить все веселье.

Он проходит мимо меня, а я стремглав уйду прочь, прижимаясь к стене, хотя вряд ли это спасет, если меня снова застукают. Одна выдуманная ложь долго не продержится.

Я останавливаюсь перед закрытой дверью, почти уверенная, что эта комната Аида, и дергаю дверную ручку, которая чудесным образом плавно открывается. Переступив порог на цыпочках, я оглядываюсь по сторонам. Здесь не так уж много вещей, с помощью которых его комнату можно было бы отличить от комнаты другого бойца.

Стены сделаны из мраморных блоков, на них висят светящиеся бра. У стены стоит мебель: кресло для отдыха, обтянутое черным бархатом, черный кожаный диван с тремя подушками, а в стороне – стол и стулья. В комнате также два окна из матового стекла.

Но я нигде не вижу маски.

Осторожно закрыв за собой дверь, я отваживаюсь пройти дальше, потому что у меня нет выбора. Увидев еще одну дверь, я направляюсь к ней и обнаруживаю, что она ведет в большую ванную комнату, в которой на столешнице лежит искомая маска-череп. Черные металлические рожки загибаются вверх, но они короче, чем казались мне прошлой ночью, и острее. Кость, из которой сделана маска, гладкая, в ней просверлены отверстия, позволяющие продеть по краям черные ленты и закрепить маску на лице.

Все оказалось намного легче, чем я ожидала, и я оглядываюсь по сторонам, убеждаясь в том, что комната по-прежнему пуста. Я приподнимаю край своего платья и привязываю маску к бедру так, чтобы череп был обращен в сторону, а затем опускаю ткань, которая едва скрывает маску. Рога загибаются назад и прижимаются к моей коже, но с этим я вполне могу справиться. Моя юбка достаточно объемная, и маска под ней практически незаметна, но я все равно боюсь, что ее увидят. Подавляя свой страх, я спешу к двери, а затем выскальзываю в коридор, надеясь, что меня никто не обнаружит. Прерывисто дыша, я продолжаю идти по коридору к лестнице, по которой мы спустились с Аресом, только вот я ее не нахожу. Дойдя до конца коридора, я медленно оборачиваюсь.

Неужели я ее пропустила?

Я возвращаюсь назад, а мой пульс неуклонно набирает скорость. В этой части «Олимпа» темно, бра не горят, а стены покрыты тенями. Но здесь точно была лестница, которой больше нет. Конечно, я могу вернуться через главный зал, но проталкиваться сквозь толпу кажется мне рискованным занятием. Я не могу понять, как лестница могла просто исчезнуть, и на всякий случай открываю несколько дверей, мимо которых прохожу. Это комнаты бойцов, и они пусты.

Черт.

В нерешительности я возвращаюсь в главный зал, где толпа все еще окружена темнотой и свет от прожектора падает на ринг, на котором в центре внимания находятся Аид и его противник. Совершенно очевидно, что бой приближается к концу. Геркулес покачивается на ногах, и его удары становятся очень небрежны. Как сказал мне тот парень, Аиду нравится играть со своими соперниками, и теперь я это ясно вижу. Он кружит, обходя Геркулеса, даже не вспотев.

На нем нет ни царапины. Я начинаю пробираться сквозь толпу, осторожно расталкивая людей, но затем слышу грохот, и волна из людей подхватывает меня и несет вперед.

На бойцовском ринге лежит гигант. Аид свирепо смотрит на него сверху вниз, а затем его взгляд скользит по скандирующей толпе. Я прячусь за высокую женщину, ища открытый дверной проем. Отчаяние будто взяло мои легкие в заложники, ведь теперь, когда бой окончен, они обязательно пойдут в моем направлении. Наконец мне удается вырваться в темный коридор и сделать глубокий вдох. Тело сводит от нервного напряжения, и я знаю, что не должна излишне на что-то надеяться, пока не окажусь далеко от этого места или, еще лучше, пока не передам маску Кроносу и не погашу свой долг.

Когда я достигаю атриума, то вижу, что он пуст. На страже не стоит ни одного человека в маске ворона, а также нет ни одного гостя. Я чуть ли не спотыкаюсь о собственные ноги, спеша к двери.

Она гигантских размеров, но я ожидаю, что она... не знаю. *Откроемся.*

Но этого не происходит. Я толкаю ее изо всех сил, навалившись всем своим весом, а потом отступаю назад и смотрю на изогнутый венок из листьев в греческом стиле.

Ты опоздала.

В этот странный момент я будто могу увидеть отсюда события четырехмесячной давности и человека в маске кабана, предупреждающего меня об опоздании.

Низкий вой прорезает воздух, и моя кровь превращается в лед, а волосы на затылке встают дыбом. Я поворачиваюсь лицом к Аполлону. Он выходит из коридора рядом с лестницей, из того самого, из которого только что вышла я. Взгляд его темных глаз останавливается на мне и пронзает насквозь. У меня возникает ощущение, что я могу рассыпаться на части под его пристальным взглядом.

– Уже уходишь?

Я расправляю плечи и стараюсь вести себя спокойно. У меня были месяцы, чтобы выработать безразличие к Кроносу, но теперь все зависит от моей актерской игры.

– Чрезвычайное происшествие, семейные дела.

– Да ладно? – он склоняет голову набок. – Происшествие какого рода?

– Наверное, кровавого, – говорит Арес, который спускается сверху, медленно направляясь к нам.

Последний раз я видела его на первом этаже, как он оказался наверху?

– Нет, они...

– Они – кто? – к нам присоединяется третий голос, и из тени выходит Аид.

Я ненадолго задумываюсь, закрыв глаза на то, что это последний гвоздь в крышку моего гроба – быть пойманной так близко к выходу и сразу всеми тремя.

В Стерлинг Фолс Коры Синклер больше не существует.

Аид останавливается прямо передо мной, и я могу видеть, что краска на его лице потекла от пота, а губа разбита. Наверное, я пропустила эту часть и не заметила, когда вернулась к рингу. Удивительно, что Геркулес вообще смог нанести ему удар, учитывая шумиху вокруг Аида и его боевых способностей. Возможно, они просто были раздуты, но вблизи это тот же самый человек, который разрушил мое будущее. Даже если на нем другая маска. У него тот же рост, тот же голос, тот же сердитый взгляд.

Я отодвигаюсь назад, и мои лопатки ударяются о резную дверь, а Аид смотрит на Ареса.

Три бога и я. Кто я для них?

Аид кивает головой, и Арес покидает нас. Из них троих я считала Ареса самым... не знаю, добрым. Раньше он обращался со мной довольно-таки нежно, хотя с моей стороны смешно думать, что он был милым.

– В чем дело? – спрашиваю я.

Конечно, мой вопрос – это ложная бравада, которую я надела на себя, как броню.

Аид усмехается и, положив руку на мою ключицу, мягко толкает меня, прижимая к двери. И хотя мне не нужен еще стимул, чтобы бояться его, прикосновение Аида наполняет меня новым страхом. Я ерзаю в тишине, готовясь к тому, что сейчас произойдет что-то ужасное, но тут возвращается Арес, волоча за собой бойца, которого я встретила в коридоре. Схватив бойца сзади за шею, он швыряет его на пол к нашим ногам.

– Это она? – спрашивает Аид, растягивая слова.

– Д-да... – заикается тот, пытаясь встать.

– Повтори, что она сказала?

– Она сказала, что уходит по поручению Ареса, и это мне показалось подозрительным, учитывая, что она так одета, находясь в секции бойцов, – он указывает на мое платье.

Я снова закрываю глаза, потому что *блин*, сколько раз из-за своей лжи я оказывалась в полной заднице, но я уверена, что хуже, чем сейчас, быть не может.

Аид смеется, и его смех холодный, точь-в-точь как у Кроноса.

Я должна была догадаться, что из-за этого ужасного плана меня поймают, но сейчас я уже ничего не могу с этим поделать. Кроме как принять наказание и надеяться, что меня не убьют.

– Ты хотела ограбить нас в нашем собственном доме?

Я открываю глаза. Часть меня знает, что грядет, но я отказываюсь отвечать. Я сомневаюсь, что они придерживаются презумпции невинности. Ничего из того, что я могу сказать, мне уже не поможет, особенно если они поднимут юбку моего платья.

Взгляд Аида наполняет неподдельное любопытство, и он осматривает меня сверху вниз.

– Что это было? – спрашиваю я и поджимаю губы.

Он хихикает и, качая головой, поворачивается к Аполлону.

– Держи ее.

С моих губ срывается лишь писк, когда Аполлон делает шаг вперед, но Арес преграждает ему путь.

Мое сердце колотится громче, пульс отдается грохотом в ушах.

– Просто скажи ему, – говорит Арес, пристально смотря на меня, будто пытаюсь донести какую-то мысль, например: *если ты не подчинишься – я не буду нести ответственность за их дальнейшие действия*.

Он раскусил меня за считанные секунды и отступил, когда я испугалась, но моя интуиция подсказывает мне, что Аид не будет так благосклонен к моему ужасу. Я тереблю пальцами подол своего платья и медленно приподнимаю его. Я ненавижу сдаваться, и часть меня все еще хочет продолжать прикидываться дурочкой, но это так наивно, и эти парни никогда бы не позволили мне уйти отсюда, по крайней мере, не обыскав меня.

Как только я поднимаю подол платья достаточно высоко, чтобы из-под него показалась маска, рука Аида обхватывает мое горло и сжимает его. Он прижимает меня к стене, не давая вдохнуть, и меня охватывает паника. Я царапаю его запястье и предплечье, пытаюсь освободиться. Может, он и не пытается убить меня, но я не могу дышать. Внезапно мне кажется, что передо мной стоит не Аид, а мой бывший парень. Он смотрит на меня сверху вниз и сдавливает мне горло, желая, чтобы я потеряла сознание. Стараясь не показывать свой испуг, я смотрю в его голубые глаза, похожие на лед, они напоминают мне о холодной воде или утоплении.

– Она... – Арес делает шаг вперед.

Я не могу дышать и пытаюсь предупредить об этом незнакомца с лицом моего бывшего, но не могу издать ни звука. Он не понимает собственной силы, а мне не привыкать падать в обморок, который приближается ко мне, как океан, устремляющийся к песку. Мои уши будто бы заполняет шум воды, пока я не перестаю концентрироваться ни на чем другом, кроме давления на мое горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.